

Александр Ципко

НУЖНА ЛИ РУССКИМ РОССИЯ, КОТОРАЯ «НЕ ЗАПАД»

О БОГЕ, ЧЕЛОВЕКЕ И КОШКАХ

ТОМ 1

Александр Сергеевич Ципко

Нужна ли русским Россия, которая «не Запад». О Боге, человеке и кошках. Том 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74586146

Нужна ли русским Россия, которая «не Запад». О Боге, человеке и кошках. Том 1 / А. С. Ципко, издание в двух томах: Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-418-1

Аннотация

Александр Ципко был членом внешнеполитической команды Михаила Горбачева в эпоху Перестройки и многие годы оставался одним из ведущих людей в Российской Академии наук.

В данной книге «русский философ» Александр Ципко настаивает на нескольких актуальных для современной России истинах. Учение Маркса о коммунизме никогда не было наукой, а всего лишь идеологией, потому как за учением Маркса о коммунизме стоит древнеиудейский мессианизм. В этом учении на место идеи избранного народа поставлен избранный рабочий класс. До Октябрьской революции 1917 марксизм являлся утопией. Большевицкая революция и в дальнейшем социалистическое строительство СССР были

посвящены воплощению этой утопии в жизнь. А утопия могла быть воплощена в жизнь только благодаря беспрецедентному насилию и жестокости, которых раньше не знало человечество. Идея коммунизма как идея коллективного труда была крайне враждебна русскому национальному сознанию. Сохранить государство и экономику, основанную на беспрецедентном насилии, можно было только благодаря тоталитарной системе. Советская система как дитя утопии не могла быть реформируема, поэтому неизбежно Перестройка, как реформирование советской системы, привела к ее гибели. И трагедия состоит в том, что утопизм советской системы был осознан только в результате ее разрушения перестроечными реформами.

Последние годы Александр Ципко посвятил несколько книг русскому дореволюционному просвещенному патриотизму, русскому либеральному консерватизму, который сочетал в себе европейскую ценность человеческой жизни, прав и свобод личности с ценностью национальной государственности. Этому были посвящены книги «Ценности и борьба сознательного патриотизма» (Москва, изд-во «ЛКИ», 2009), «Перестройка как русский проект» (Москва, изд-во «Алгоритм», 2014), «Русская апатия. Имеет ли Россия будущее» (Москва, изд-во «Алгоритм», 2017), «Почему в России не ценят человеческую жизнь. О Боге, человеке и кошках» (Москва, изд-во «Родина», 2020).

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Том 1	6
Вместо введения. Советское «я» по- одесски[1]	6
Глава I. Почему мы боимся правды об утопизме ленинского октября	29
Правда Льва Троцкого о «Великой Октябрьской социалистической революции»	29
За красотой идеала скрывается ад	81
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Ципко
Нужна ли русским Россия,
которая «не Запад»
О Боге, человеке и кошках

© Ципко А.С., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

*** * ***

*Моей матери Ципко Людмиле Еремеевне
посвящаю*

Том 1

Меня очень многое радикально отделяло от евразийцев. Как и всё новое поколение, они не любили свободы. Они были восточниками, враждебными западной культуре. Православие они принимали прежде всего как «бытовое исповедничество» и видели в нем национальное и государственное начало. Евразийцы – этатисты. Всё это было мне совершенно чуждо и враждебно. В конце концов, часть евразийцев перешла в коммунизм.

Николай Бердяев.

Вместо введения. Советское «я» по-одесски¹

Добраться до тайников своей памяти в семьдесят лет не так-то просто. В сознании остаются только те картинки из твоего прошлого, которые были высвечены или вспышкой счастья, или вспышкой страха, или блеснувшей в сознании яркой, запоминающейся крепкой мыслью. Собственно из таких блеснувших в твоей голове мыслей и состоит особенность твоего сознания, код твоего восприятия жизни. У каж-

¹ И уже мне не 70, а 84 года и всё равно правда о себе, которую я рассказал в 2011 году, остается правдой до последних дней моей жизни.

дого из нас есть такие переживания из прошлого, которые с нами всегда, почти каждый день жизни и которые ты все время отодвигаешь на задний план, чтобы они тебе не мешали увидеть нечто новое для себя. А есть в твоей памяти то, что ты уже, наверное, навсегда потерял. Хотя ситуация небезнадежна. Описывая здесь в этой книге то, что всегда со мной, я неожиданно вызвал из своей памяти картинки, события из прошлого, о которых я не вспоминал добрых пятьдесят лет.

Особенность моего нынешнего сопереживания прожитой жизни состоит в том, что все эти моменты наивысшего духовного напряжения, которые и построили каркас твоего самосознания, присутствуют в памяти не во временной последовательности, а одновременно, и напрашиваются на просмотр прежде всего наиболее конкретные картинки из прошлого. Кстати, о том, что я имею в виду, когда говорю о мыслях с блеском личностного. Только один пример. По случаю нового года 1 января мама дала мне деньги на кино и на мороженое, и я, восьмилетний, отправился в путешествие с нашего Французского бульвара в единственный в Одессе детский кинотеатр имени А. М. Горького, который помещался в дореволюционном доходном доме на углу улицы Советской армии и Греческой. Я сошел с нашего 17-го трамвая на конечной, на Греческой площади, и со стороны театра Музыкальной комедии шел в сторону Преображенской, той же Советской армии. Поднял глаза, и прямо напротив себя над входом в городской парк увидел растяжку со словами: «По-

здравляем с новым, 1950-м годом». И мгновенно в моем сознании восьмилетнего пацана мелькнула мысль: «Было бы хорошо, если бы я дожил до 2000 года». И с тех пор, стоит мне задуматься о сроке, отведенном мне Богом для жизни на этой земле, сразу же в сознании – огромная для детского восприятия растяжка с поздравлением по поводу нового, 1950 года. Семьдесят лет жизни – как один день. И, честно говоря, нет никакого ощущения старости, нет никакой усталости от своих на самом деле преклонных лет. И яркость этих воспоминаний о самых важных мыслях о себе, о своей судьбе всегда одна и та же.

Обратите внимание. В моем сознании восьмилетнего ребенка было и сознание смертности человека, и желание как можно дольше пожить на этой земле, и одновременно сознание тех опасностей, которые подстерегают человека. Наверное, мое самосознание было типично для страны, всего пять лет назад окончившей войну.

Направленность этого идущего изнутри света, интенсивность самоощущения своего «я», интенсивность своей экзистенции не зависит от возраста, этот свет появляется, как у меня, в раннем детстве, у других в отрочестве, и остается в тебе навсегда. Но очень трудно мне найти слова, чтобы описать особенность моего «я», моего прожектора, идущего из глубины сознания света, который когда-то открыл и до сих пор позволяет мне быть живым, зрячим в этом мире. И самое поразительное, что на эту особенность своего «я» обратила

мое внимание моя бабушка, мать отца, за неделю до смерти, во время моего прощального разговора с ней, это было в конце ноября 1971 года.

Как только я узнал, что с бабушкой плохо, у нее обнаружили запущенный рак печени, я, естественно, прилетел домой, в Одессу, спасти ситуацию. Бабушка мне рассказывала, что у них, у гимназисток старших классов, было модно пить церковный кагор. На старости лет она тоже тихонько попивала кагор. Отсюда и цирроз печени.

Честно говоря, я был поражен равнодушием моих родственников – и моего отца, и моих сестер к умирающей бабушке Ане, которые практически оставили ее один на один с приближающейся смертью в неотопливаемой комнате, не только без внимания, но и без нормальной пищи, нормального ухода. Мои единокровные сестры, Наташа и Люся, уже сумели вытащить из-под подушки бабушки ее скромные сбережения и практически ее не навещали. Но тут, на мой взгляд, многое не от личностного, а от тягот советской жизни, от бедности. Если бы кто-нибудь знал, насколько жестоко и вульгарно одесское послевоенное мещанство, русское по крови и по происхождению.

Но на самом деле я его ненавижу всеми фибрами своей души всю свою жизнь. Мир Жванецкого на самом деле не имеет никакого отношения к одесскому миру. В одесской бытовой жестокости мало юмора.

Хотя у моей сестры Наташи заговорила совесть, она все же

по образованию медсестра, по моей просьбе помыла бабушку, и общими усилиями мы перестелили ей постель. Я, естественно, начал хлопотать, нашел какую-то соседку-знахарку, которая якобы знала особые травы, с помощью которых можно вылечить рак печени, на Привозе купил деревенскую курицу и с помощью соседки бабы Кати (она, кстати, никогда особенно не дружила с нашей семьей), сварил бабушке бульон, нарубил дров, растопил печь, начал заготавливать дрова на зиму. Хлопотал, хлопотал, хотя, честно говоря, не верил в чудо. Лечащий врач в нашей районной поликлинике в Обсерваторном переулке, которого я навестил, сказал, что ее рак не операбелен.

Так вот, моя бабушка наблюдала-наблюдала за моими хлопотами и наконец-то заставила меня присесть рядом с ней, сама с помощью простыни, которая была привязана с противоположной от головы спинки железной кровати, подтянулась и начала со мной серьезный разговор о жизни и смерти. «Ты знаешь, – говорила она мне, – что я в бога не верила, наше поколение гимназисток было фрондой и называло себя атеистками, потом была революция, дни голодного кошмара, тюрьма и, наконец, старость. Мне, ребенку, которого бросила родная мать, и которую я так и не увидела, было трудно поверить в бога. Но все же, Алик, душа есть. Я умираю, наверное после твоего отъезда сразу умру, не могу встать с постели, но, знаешь, я продолжаю видеть мир, себя теми же глазами, в тех же ярких красках каким он открыл-

ся мне, девочке, где-то двенадцати лет от роду. Я хорошо помню, как мне, девочке, этот окружающий мир открылся каким-то радостным, светлым, солнечным, как мир красивых цветов, и этот свет никогда больше уже не покидал меня. А теперь оставь меня и выполни мою просьбу. Зайди перед отъездом к Бережным (речь шла о семье генерал-лейтенанта Бережного, в прошлом – командующего ВВС одесского военного округа, с сыном которого я дружил в детстве) и передай им от меня, умирающей, спасибо, что они сделали свой дом для тебя вторым домом, так много сделали для тебя, когда ты нуждался в помощи. Пойми, о чем ты никогда как ребенок не догадывался, что заместителю командующего округом в сталинские времена не так-то было просто впустить в дом ребенка, у которого отец был в тюрьме и осужден по 58 статье. Жили Бережные в начале 50-х на Французском бульваре, как я теперь понимаю, в бывшей барской усадьбе с большим парком, по соседству с дачей Жукова, за дачей Жукова в сторону Аркадии уже начиналась территория Санатория им. Чкалова. И самое поразительное, что и в доме Бережных туалет, как и у нас, был на улице, правда, утепленный и в сравнении с нашим очень чистый, и находился на лице, рядом с домом. В этом старом, красивом, дореволюционном особняке внутри помещения не было канализации.

Я просьбу бабушки выполнил и навестил перед отъездом в Москву Бережных. После того, как я был призван в армию в 1960 году, я так и не переступал порог их новой квартиры

в военном городке, рядом с казармами Котовского, где все взрослые меня, как я теперь понимаю, не просто любили, а лелеяли. Не пойму, за что. Конечно, во мне была какая-то практическая польза. Я с первого класса, как отличник, всегда был в роли домашнего репетитора для плохо успевающих своих одноклассников, отличался прилежностью и дисциплинированностью. Кстати, моим первым подопечным, как я помню, был Коля Журавков, но из такой же бедной семьи, как наша, и только во втором классе тетя Галя, мама Игоря Бережного, пригласила меня к ним домой, накормила обедом, всем тем, что моя мама не умела готовить – рассольником, теплыми пирожками с мясом, – а потом всерьез попросила меня, как взрослого, о помощи – готовить вместе с Игорем уроки, и прежде всего арифметику.

Игоря, друга моего детства, я не застал, он женился и жил отдельно от родителей где-то на Слободке, а бабушка умерла несколько лет назад. Как я теперь понимаю, бабушка Игоря Клавдия была из семьи «бывших». Не случайно ее дочь, тетя Галя, мать Игоря, отличалась какой-то дородностью, непохожестью на других женщин, что ощущал даже я, ребенок. Но отставной генерал дядя Володя (он был демобилизован еще в конце пятидесятых, когда Хрущев сделал ставку на ракетные войска и резко сократил авиацию) и тетя Галя были очень тронуты моим визитом. Они из газет знали, что я работал в «Комсомолке», потом оказался в ЦК ВЛКСМ. И, конечно же, дядя Володя начал проверять меня на вшивость,

выяснять, как я отношусь к Брежневу, которого он знал еще со времен войны, посоветовал мне быть осторожным. Спустя год дядя Володя навестил меня в Москве. Он был проездом, по дороге на свою родину, на Волгу, если я точно помню, в Саратов.

Но все же, как мне рассказывал генерал Бережной, когда он в 1972 году навестил меня уже в Москве на 2-й Новоостанкинской, я, оказывается, был непростой мальчик, непростой отличник. Так он, спустя двадцать лет объяснял мне свой и его жены Гали интерес ко мне. Они якобы чувствовали, что у меня хорошее будущее, будет известность, что во имя этого мне полусироте, вечно голодному надо помогать. Мне трудно судить о себе, но почему-то мне всю жизнь льстили очень серьезные люди, и особенно наши профессора на моем родном философском факультете МГУ говорили мне, что меня нужно беречь, что я представляю из себя «национальную ценность». Кстати, помощник Александра Яковлева, тогда исполняющего обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, Петр Иосифович Симуш, спасая меня от доноса борца за чистоту марксизма Модржинского, из-за которого ВАК не утверждал мою кандидатскую защиту, говорил мне слово в слово то же самое. Говорил мне, тридцатилетнему молодому человеку, что он спасает не меня, а национальную ценность. Кстати, беречь себя как «национальную ценность» мне советовали наши институтские полковники из Первого Управления КГБ, которые

осуждали меня за чрезмерную откровенность, за антисоветские высказывания вслух, на людях.

У меня иногда закрадывается мысль, что я, один из разрушителей русского коммунизма, человек, который своими статьями подорвал у людей веру в марксизм, на самом деле обязан и своей карьерой и своими жизненными успехами именно советской системе. Отличником, хорошо успевающим студентом я, наверное, был бы и в нормальном обществе. Но надо видеть правду, надо видеть, что советская система антиотбора, когда партийность, классовое происхождение ставились выше умственных способностей, когда «пятый пункт» автоматически создавал привилегии для лиц славянского происхождения, создавала благоприятный фон для таких, как я, которые от природы обладали какими-то способностями и дарованиями и одновременно были «своими». Вряд ли я был бы преуспевающим, одним из лучших студентов на нашем курсе, если бы он не формировался на партийной основе, если бы он не состоял на 50 % из демобилизованных из армии. Надо видеть правду, при всем уважении к моим однокурсникам, но по крайней мере 70 % из них на самом деле не имели ни малейшего представления о философии, которую они избрали предметом своей будущей специальности, не обладали аналитическими способностями. И поэтому такой «уникум», как я, который до поступления все же прочитал все доступные учебники по марксистско-ленинской философии, читал Энгельса, Ленина, уже на

первом курсе штудировал в кружке Киреева «Логiku» Гегеля, сразу стал предметом внимания со стороны, кстати, старшей профессуры. Как ни странно, но больше всего внимания мне уделяли профессора-психологи, Петр Яковлевич Гальперин мне ставил пятерки на экзаменах, абсолютно ничего не спрашивая, он сделал меня лектором Всесоюзного общества «Знание», дав положительную рецензию на текст моей лекции о теории сновидений Фрейда.

Так вот, вспоминая свою уже, как выясняется, долгую жизнь, я не только хочу подтвердить наблюдение своей умирающей бабушки Ани о постоянстве света данной каждому из нас от рождения души, но и добавить к ее наблюдениям и что-то из своего жизненного опыта. Кстати, несколько лет назад, перечитывая философские дневники Льва Толстого я натолкнулся на мысль, созвучную бабушкиным наблюдениям о неизменности красок сознания, в которых когда-то в детстве, в отрочестве нам открылся мир. На протяжении всей весны 1903 года Лев Толстой в своих философских дневниках с разных сторон описывает единство сознания человека на протяжении своей жизни. И самое интересное, что он описывает это единство почти в тех же словах, в которых его описывала моя бабушка перед смертью. «Человек сознает себя единым (в детстве, возмужалости и старости) только потому, что сознание ребенка и через 50 лет старика – все одно и то же, и для него нет времени. Время только для того, что множественно» (1 мая 1903 года). И

уже в конце мая, 29 числа, Толстой записывает в свой дневник: «Это сознание единства различных состояний есть начало духовной жизни». «Только достигнув этого состояния, человек понимает, что он – духовное существо, отделенное от всего другого»

И еще важно, что Толстой, как и моя бабушка, тоже сравнивает идущее из глубины личности сознание как свет, который, как солнце, может затемняться тучами, «но оно (это солнце) всегда едино и непременно». Я уже разменял в прошлом, 2011 году, восьмой десяток, но стоит мне погрузиться в теплую морскую воду и медленно поплыть, не напрягаясь, то я сразу же возвращаюсь не только духовно, но и даже физически, к тому самоощущению себе, которое мне было свойственно в юности, когда я вопреки всему делал далекие от берега заплывы в море и буквально часами жил радостью общения с морем. Тогда мне казалось, что в другой жизни я был дельфинам, которые проплывали иногда рядом со мной. И действительно, у меня никогда не было и до сих пор нет обычного для людей страха перед глубиной, страха отплыть далеко от берега. Напротив, при хорошей погоде, при хорошем настроении хочется как можно дальше отплыть от берега, и в большого расстояния, возвращаясь назад, наблюдать за очертаниями родного берега, особенно вечером, перед наступлением темноты.

Меня не пугают высокие волны. Я воспринимаю море как нечто свое, родное, как свою стихию. Сейчас нет. Но лет

тридцать назад я хотел, чтобы меня не хоронили, когда я умру, а просто выбросили с моста в море. Эта мысль долгие годы сопровождала меня, когда я на машине переезжал мост через жерло Днестровского лимана, отделяющего так называемое «узкое место» от затоки, с которой начинается Бессарабия.

Самое интересное, что когда утром светит солнце, и я в здравии, у меня, вопреки возрасту, появляется ощущение, что я только начинаю жить, что вся жизнь еще впереди, что мне предстоит еще много работать, много сделать. Никакой материализм, утверждающий о первичности материи, тела, не объясняет эту тайну вечной молодости сознания у нормального, морального человека. Сердце работает с каждым днем все хуже и хуже. А планов на будущее, желания как можно больше прочитать из непрочитанного, когда-то запретного, все больше и больше.

Неизменна, не зависит от возраста не только та интенсивность света, который обнаружил тебе когда-то мир, в котором тебе суждено жить, но и неизменна та нравственная доминанта, которая живет в твоей душе. Я не хочу сказать, что был безгрешен, что я не принес страданий своим близким. И в моей жизни были минуты, когда азарт, настроение мести, страсть замораживали мое нравственное чувство, и я причинял боль близким. Я на исповеди до сих пор прошу прощения за ту боль, которую я своей неверностью причинял своей покойной ныне супруге. Хотя я никогда никого не предавал.

Если бы я предал своих знакомых из «Солидарности» и выполнил просьбу Ричарда Косолапова и написал для «Коммуниста» положительную рецензию на книгу, где утверждалось, что «Солидарность» от начала до конца – проект ЦРУ, то мой польский диплом доктора наук был бы нострифирован еще в 1981 году, и я избежал бы пятилетних мук с повторной защитой в СССР. Но я не смог этого сделать, ибо знал, что в главном «Солидарность» была голосом польского народа, который не мог уже жить по-старому, по-советски. Я не мог выглядеть предателем в глазах всех тех, кто подарил мне Польшу, два самых счастливых года в жизни, в глазах цвета польской нации, друга Папы Римского Иоанна-Павла II Яна Щепаньского, который ко мне относился как к своему любимому сыну.

Правда состоит в том, что неизвестно откуда появившееся у меня в раннем детстве сострадание к чужой беде преследовало меня всю жизнь и определило в конце концов и мое негативное отношение к опыту «социалистического преобразования Польши», всей Восточной Европы, и мое негативное отношение к Сталину, к большевикам, ко всему коммунистическому эксперименту. Глубоко убежден, что не может нормальный, здоровый душой человек преклоняться перед Сталиным, спокойно рассуждать о всех его «инициативах» по уничтожению людей.

Все-таки призвание сидит в человеке, и даже независимо от условий формирования себя как личности, независимо от

среды, от политической системы, от уровня образованности своих родителей, этот инстинкт все равно находит себе дорогу. Все-таки есть что-то надмирное, трансцендентное в каждом из нас, есть какая-то изначально заданная программа жизни, которая часто заставляет тебя делать какие-то неожиданные, трудно объяснимые поступки, поступки, которые, как позже выясняется, определили твою судьбу. В 1957 году у нас квартирантом временно был студент Одесской партийной школы. Я уже не помню его имя, но принадлежащий ему учебник по марксистско-ленинской философии определил мой жизненный выбор. Не помню, как этот учебник попал мне в руки, но точно помню, что я прочитал этот учебник взахлеб, как роман, и сразу же для себя решил, что стану философом. Вокруг меня не было гуманитариев. Никто меня не водил в музеи, не учил музыке. Значительную часть детства я посвятил работе на огороде и торговле помидорами на одесском Привозе, помогая матери просто выживать. Но уже в пятнадцать лет я начал публиковаться в периодической печати. Несколько позже, в июне 1957 года, были опубликованы мои рассуждения о смысле жизни во Всесоюзной «Юности».

Я учился в первом классе в румынской Тимишоаре и только освоил грамоту, и так уж получилось, что мы с мамой вынуждены были покинуть город, в котором оказались в 1947 году, в котором жили, и выехать на месяц в деревню. И в тот момент, когда мама собиралась в дорогу, паковала наш

скарб, я вдруг ей сказал, что надо взять с собой то ли бумагу, то ли чистые тетради, и что я буду в деревне «писать книгу».

Все точно, я до сих пор помню, где я это сказал и как сказал. Чем дальше я иду в глубину своей памяти, тем больше убеждаюсь, что сидит во мне второе мое я, всевидящее око, которое все время наблюдает, фотографирует с помощью вспышки и момент и предметную обстановку моих самых важных прозрений в жизни.

Когда я решил, что я буду писать книгу, мне было всего лишь семь с половиной лет, и единственной книжка, которая у меня тогда была, представляла из себя складной картинный лист, на котором были яркие цветные рисунки с надписями на венгерском языке.

И самое поразительное, что это второе я, которое зафиксировала все мои самые важные поступки, прозрение в жизни, всегда было сознанием уже сформировавшегося, взрослого человека. Это не значит, что я всегда был взрослым, что у меня не было детских радостей и детского восприятия жизни. Но правдой является то, что в моменты прозрения, каких-то важных мыслей о себе, в твоём детском сознании прорывается голос исходной, заложенной в тебе программы всей твоей жизни. Получается, что взрослость задана нам как бы от рождения, и ее, взрослости, глаза как бы наблюдают за нашей детскостью, юностью. И это не мистика, это так и непознанные тайны устройства нашей души.

Только один пример фотографического изображения дня

жизни, дня жизни ребенка, у которого в голове мелькнули совсем взрослые мысли. Я пришел с родительского собрания по поводу окончания первого класса, мама была на работе, и мне пришлось представить на этом собрании и самого себя как одного из немногих, кто окончил первый класс с отличием, и свою маму. Отдал похвальную грамоту бабушке, который, как всегда, боролся с сорняками на нашем бесконечном огороде, получил от него вознаграждение в 1 рубль и уже собирался пойти в киоск тети Лели на Пролетарский и купить себе любимое молочное мороженое. Но вместо этого уселся на землю между кустами сирени, которые отделяли наш участок от тропинки, ведущей с бульвара вглубь нашего третьего Пролетарского переулка и начал наблюдать за прохожими, одновременно ковыряя какой-то палочкой почву. И вдруг я увидел то, что мы, дети с Пролетарского, видели каждый день, увидел слепого старика с палочкой, которого под руки вела молодая женщина, скорее всего дочь. Слепые, которые приезжали на операцию в глазную клинику Филатова, она располагалась недалеко от нас, на противоположной стороне Пролетарского бульвара, каждый день ходили по нашим домам в поисках ночлега, чтобы рано утром попасть на прием. И моя мама довольно часто пускала на ночлег пациентов глазной клиники, что давало прибавку к нашему скромному бюджету. Кстати, родной брат первого секретаря компартии Абхазии Лакобы, расстрелянный Сталиным в 1938 году, имя его я не помню, после того, как его освободи-

дили в 1956 году, целую неделю жил у нас, в одной комнате со мной, прежде чем его, почти полностью слепого, положили на операцию. Но почему-то именно тогда, в июне 1950 года, сидя на земле в своих традиционных длинных трусах, которые были одеждой для меня на все лето, я почувствовал боль сострадания ко всем этим слепым, которые маются от того, что не имеют пристанища на ночлег. Кстати, университеты слепого брата Лакобы, который лично знал Сталина и рассказал мне, ребенку, о его садистских наклонностях, тоже сыграли роль в формировании моего мировоззрения. Именно тогда, в конце мая 1950 года, когда я сидел в пыли между двумя кустами дедушкиной сирени, я решил про себя, что когда стану взрослым, обязательно буду помогать бедным, калекам. Видит бог, так это было.

Очень рано проснулось во мне отторжение от зла и жестокости. Я с раннего возраста не любил так называемых «злых мальчиков». Помню, как я переживал, что не могу помочь воронам, у которых соседские мальчишки выбрасывали из гнезда их яйца или уже вылупившихся птенцов. Происходило это далеко от Одессы, в деревне, которая располагалась на берегу реки Мурешул, отделяющей Румынию от Югославии. Моим сверстникам, мальчикам 7–9 лет, как-то удавалось залезать на верхушки, как мне казалось, очень высоких тополей, ветки которых свисали над водой, и там, наверху, с криками и каким-то диким восторгом вершить свой суд над потомством ворон. Уже в Одессе, в первом классе у

нас был такой же злой мальчик, весь чернявый, который на чердаке своего трехэтажного дома, который, как я хорошо помню, стоял у угла привокзальной площади, напротив Куликовского поля, вершил суд над потомством диких голубей, которые по неосторожности вили здесь свои гнезда. Правда, в данном случае у меня была власть над этим злым мальчиком. Я был приставлен к нему нашей учительницей «репетитором» по арифметике, он был двоечником. По крайней мере, когда я после школы приходил к нему вместе с ним делать уроки, он на чердак больше не лазил.

Все это, и прежде всего интенсивность нравственных чувств, способность чувствовать различие между добром и злом, сидит у нас в душе с детства. Я не верю, что совесть можно пробудить у человека путем воспитания, что в более образованных и цивилизованных семьях дети в моральном отношении более развиты, чем в убогих семьях, страдающих от нищеты. Сознание мира, в котором нам суждено жить, идущий из души особый свет, позволяющий увидеть краски человеческого бытия, даны от Бога, действительно появляются в детстве и сохраняются до дней последних наших.

Не знаю, но мне думается, что нельзя стать гуманитарием, не обладая этим чувством сострадания к обездоленным, не воспринимая каждого человека как равного себе, обладающего таким же правом на счастье, как и ты. Нельзя быть гуманитарием и быть расистом, националистом, живя чувством национального превосходства, ощущением избранно-

сти. Истина и расизм, чувство национального превосходства – вещи несовместные. Наша русская философия отягощена публицистикой, ибо, как точно подметил Федор Степун, взгляд на мир с позиции добра, защита доброты – это и есть русская идея. Видит бог. Не может гуманный, российский гуманный, быть проповедником классовой борьбы, защитником красного террора, зверств Сталина.

Мой антисталинизм сформировался еще в детстве, и никак не связан с судимостью моего отца, бабушки. Все шло от жалости к жертвам Сталина, к тем, кого расстреливали при запущенном автомобильном моторе в подвалах казарм на Канатной, к тем голодным, которых расстреливали зимой 1932–1933 года на подступах к Одессе. Это не значит, что в моей душе нет злости, не было желания, чтобы бог наказал тех, кто меня обижал, мучил. В душе каждого человека много грязи. Зависть, соперничество, радость по поводу неудач твоих конкурентов. Нет и у меня в душе глубинной христианской любви к каждому ближнему. Но при всем этом, это правда, я воспринимаю каждого человека, независимо от его положения, его национальности, как равного себе. И, наверное, поэтому в любой стране, в Таиланде и даже в Японии, я очень скоро становлюсь своим, как бы растворяюсь среди них, теряю ощущение своей физической непохожести и, как всегда, выслушиваю бесконечные, и прежде всего женские, исповеди о своей судьбе, тяготах жизни, страданиях. Даже чужие, незнакомые люди мне доверяли и до сих пор дове-

ряют самое сокровенное. Повторяю. С христианской точки зрения я совсем не идеал. Долго не могу забыть причиненные мне обиды, стараюсь дать обидчику сдачи. Помню, долго помню злое. Мой духовник, отец Алексей напоминает мне о греховности всех этих моих страстей. И я, как могу, борюсь с этой памятью о причиненном мне другими людьми зле. Но вот отторжение от зла, страх причинить другому человеку зло, обидеть его у меня действительно сидит с детства, с того момента, как я увидел в себе свое «я». Этот сторож, оберегающий меня от дурных поступков, позволяющий мне все же при всех моих прегрешениях чувствовать себя в целом порядочным человеком, все же сидит во мне давно. Сидит с детства. Те, кто меня обвинял или обвиняет в национализме, в русском национализме, в чем меня упрекал в свое время Евгений Ясин, просто меня не знают или не понимают. Видит бог, я всегда и, наверное, в силу того, что я сформировался как человек сначала в многонациональной Румынии, куда я попал с родителями в 1943 году, во время войны, а потом, с апреля 1949 года, выросл в многонациональной Одессе, в силу того, что несу в себе кровь многих славянских и неславянских народов, я не могу быть националистом. Более того. Скажу откровенно: я вообще ненавижу этнический национализм, и русский, и украинский, и еврейский, и армянский. Национализм малой нации столь же уродлив, как и национализм большой нации. Если бы у меня была фамилия моего отца, унаследованная им от его бабушки-латыша Дзе-

гузе, то, наверное, я бы вообще воспринимался окружающими людьми по-другому. У моей бабушки, мамы отца, Шаповаловой по матери, рожденной вне брака, на фотографиях молодости светятся яркие, черные, почти цыганские глаза. Какой этнический национализм?! Смешно. Видит бог, я искренний, природный христианин в том, что не только эллина и иудея воспринимаю как равного себе, но и японца, тайца, китайца. За год жизни в Японии я утратил чувство своей физиологической, внешней особенности, как бы растворился среди них, других по крови, по духу людей. Беда моя в другом. В том, что я быстро растворяюсь среди других, быстро становлюсь для них своим и теряю ощущение своей особенности и, наверное, достоинства. Хотя до революции русскость и видели прежде всего во всемирной русской отзывчивости, в способности проникнуться заботами всего человечества.

Понятно, что человек, сделавший уже первый шаг в восьмой десяток, невольно переносит в свое прошлое, в свои воспоминания о детстве, юности мысли и идеи, вобравшие в себя весь его жизненный опыт. Но порукой верности и правдивости всех описанных выше исходных всплывших, прозрений моего «я», своей судьбы, является хотя бы тот факт, что я и сейчас самоощущаю себя точно так, как в детстве. Я, седой старик, которому уже уступают место в метро, вижу не только своих сверстников, семидесятилетних, но и пятидесятилетних мужчин глазами ребенка, испытываю к ним инстинктивное почтение ребенка к взрослым людям. Когда я

вспоминаю о деде Вите или деде Грише, которые окружали меня в детстве, я их и сейчас вижу глазами детства, глазами ребенка.

Так я и доживаю свой век «мальчиком-одесситом» и ничего не могу поделать с этим все еще детским восприятием взрослых и прежде всего мужчин. И это еще одно доказательство исходной целостности и непрерывности самоощущения человека с момента появления своего «я» и момента его смерти. Получается, по крайней мере об этом свидетельствует мой опыт сопереживания самого себя, что в детстве иногда ребенок видит себя глазами взрослого человека, начинает мыслить на языке, не свойственном его возрасту. И самое важное, что в старости, пройдя почти весь свой жизненный путь, он сопереживает мир точно так, как сопереживал в детстве. Хотя с возрастом сознание утрачивает многое из того, чем оно обладало на первых порах жизни. Лет до пятидесяти в снах я регулярно летал над землей. Во сне отталкивался ногами от земли, хотя вторым сознанием понимал, что это невозможно, но тем не менее явственно ощущал прелесть свободного полета над землей. Сейчас невозможное даже не снится. Утратил я с возрастом, где-то на переломе пятидесяти лет, способность раздваиваться даже наяву, способность наблюдать, видеть себя как бы со стороны, сверху. Второе «я», которое все же раз пять напоминало мне в жизни о себе, уже не появляется. В юности, во время своего первого опыта близости с девушкой, я испытал то, что

потом, спустя многие годы, увидел в фильме Крамера «На последнем берегу» («Конец света»). Молодой человек отдается страсти на зеленой траве и одновременно он же сверху летает над собой, наблюдает, как он сам ласкает любимую. У меня было точно так же. Правда, вместо красивой лужайки была кровать моей будущей тещи у балкона, а мое второе «я» не летало, а сидело вверху, в углу у двери и с любопытством наблюдало за тем, что делает телесное «я». И самое интересное, я в этот момент испытывал одновременно что-то, напоминающее стыд, оттого, что я отдаюсь любви в присутствии другого, оттого, что в комнате появился кто-то третий. Зудит мысль, откуда третий? Ведь нас только двое. И это при абсолютной трезвости, будучи в сознании я жил одновременно в двух «я».

Правда, чем меньше мне остается жить, тем реже мое второе «я», моя душа отделяется от тела. Наверное, ей все еще хорошо и уютно при моем стареющем теле.

Глава I. Почему мы боимся правды об утопизме ленинского октября

Правда Льва Троцкого о «Великой Октябрьской социалистической революции»

Троцкий и Октябрь 1917 года: Как это было?

Мои размышления о цивилизационном наследстве 70-летней советской истории спровоцированы тысячестраничной «Историей русской революции» Льва Троцкого, изданной в Берлине в 1931–1932 гг. на русском языке. Кстати, до сих пор Лев Давидович, сыгравший громадную, если не главную роль в переходе власти к большевикам в октябре 1917 г., убитый Сталиным в 1940 г. в Мексике, у нас не реабилитирован, и его фундаментальное исследование предпосылок и логики перерастания Февраля в Октябрь у нас не переиздано целиком. Мы продолжаем и сегодня рассуждать об октябре 17-го года по Сталину, который еще в 1924 г. провозгласил задачей историков разрушение «легенды об осо-

бой роли Троцкого в октябрьском восстании»². В ноябре 1918 г. Сталин в юбилейной статье «Правды», впрочем, настаивал на прямо противоположном: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умело поставленной работой Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому»³.

Сегодня Троцкий со своей правдой об Октябре, его реальных истоках и предпосылках неудобен, ибо «История русской революции» не только камня на камне не оставляет от модной сегодня в России славянофильской трактовки Октября, но и от советской трактовки Октября как пролетарской социалистической революции трудящихся масс.

Мое внимание «История русской революции» привлекла прежде всего попыткой Льва Троцкого ввести описываемые им события в контекст философских споров о роли случайности в человеческой истории, о человеческой цене революционных преобразований. Спустя всего лишь 15 лет после того, что он справедливо называет «большевистским переворотом», он спрашивает себя и своего будущего читателя:

² Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 409.

³ Там же, стр. 408.

а было ли все, что произошло в октябре 1917 г., неизбежным, какова роль в происходящих событиях субъективного человеческого фактора? Взяли бы власть большевики, если бы не поразительная воля, настойчивость Ленина, заставившего партию вопреки сопротивлению всего ее руководства, готовиться к вооруженному восстанию? Взяли бы власть большевики вообще, если бы вопрос о вооруженном восстании был отложен на неделю, на две?

Отвечая на эти вопросы, Троцкий практически слово в слово повторяет размышления из статьи Г. В. Плеханова «О роли личности в истории», в которой тот задолго до Октября писал, что марксизм связывал реализацию исторических законов прежде всего с субъективным фактором, со способностью людей в своих действиях реализовать возможности исторического рывка.

Троцкий не хуже, чем Плеханов, доказывает, что на самом деле никакой фатальной неизбежности прихода к власти большевиков в России в октябре 1917 г. не было. В решающей мере все зависело от приезда Ленина в Россию.

Привожу его рассуждения о роли личности Ленина, ибо они много дают и для понимания смысла человеческой истории. «Остается спросить, и это немаловажный вопрос, как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 г.?.. До его приезда ни один из большевистских вождей не сумел поставить диагноз революции. Руководство Каменева – Сталина отбрасывалось ходом ве-

щей вправо, к социал-патриотам: между Лениным и меньшевизмом революция не оставляла места для промежуточных позиций. Внутренняя борьба в большевистской партии была совершенно неизбежна... Можно ли, однако, сказать с уверенностью, что партия и без него нашла бы свою дорогу? Мы бы не решились это утверждать ни в каком случае... Кризис, который неизбежно должно было вызвать оппортунистическое руководство, принял бы, без Ленина, исключительно острый и затяжной характер. Между тем условия войны и революции не оставляли партии большого срока для выполнения ее миссии. Совершенно не исключено, таким образом, что дезориентированная партия могла бы упустить революционную ситуацию на много лет. Роль личности выступает здесь перед нами в гигантских масштабах»⁴.

Анализируя борьбу в руководстве партии накануне Октября, Троцкий без колебаний говорит, что если бы большевики упустили «революционную ситуацию» решающих дней, последовавших после 10 октября, «если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, по всей вероятности не взяли бы ее совсем... Полученную таким образом передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира... и разгрома революционных организаций... Пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль. Острое понимание этой перспективы внушало Ленину его тревожный клич: «Успех русской и всемирной революции

⁴ Там же, стр. 366–67.

зависит от двух-трех дней борьбы»⁵.

Для нас сегодня, на мой взгляд, актуален и второй, тоже философский вопрос, который задает в заключение своей «Истории русской революции» Лев Троцкий. Оправдывают ли «последствия революции» «вызываемые ею жертвы», гибель людей? Понятно, что и при формулировке этого вопроса, и тем более при ответе на него Троцкий (как несомненный, наряду с Лениным, вождь Октября) не может не дать оптимистический ответ. При этом он, несомненно, занижает прежде всего человеческую цену своей и Ленина победы. К тому моменту, когда он задает вопрос о цене Октября, уже полным ходом идет, кстати активно поддерживаемый им, социалистический эксперимент, произошла насильственная коллективизация, приведшая к гибели сотен тысяч крестьян и прежде всего детей, выселенных за Урал, начался голод 1932–1933 гг., практика расстрелов заключенных по «белому списку» уже на всю мощь работала на Соловках. Я уже не говорю о том, что Троцкого принципиально не волновала утрата в результате Октября значительной, если не подавляющей, части образованной России. Октябрь смыл многие цивилизационные достижения дореволюционной России, крепкого крестьянина с его культурой производительного труда, огромные достижения добровольной кооперации, которая охватывала одну треть российского крестьянства, культуру ремесленного труда, в конце концов вы-

⁵ Там же, стр. 170–71.

сокую культуру самостоятельной, свободной мысли образованной России.

Но Троцкий успокаивал себя. Ничего не поделаешь, писал он, хотите развития, тогда соглашайтесь на «неизбежный накладной расход революции, которая сама есть накладной расход исторического развития»⁶.

Но что больше всего меня поразило! Говоря о несомненном влиянии Октября на историю Европы уже первой трети XX в., Троцкий деликатно обходит вопрос о провокационной роли большевистских Советов в зарождении итальянского фашизма, а несколько позже – национал-социализма Гитлера, и это поразительно. В более чем тысячестраничном тексте своей истории Троцкий затрагивает самые разнообразные горячие сюжеты текущего момента начала 30-х годов. Но нигде ни слова ни о Муссолини, который уже десять лет у власти, ни о уже кричащей угрозе прихода Гитлера со своим национал-социализмом к власти. Уже в начале 30-х годов было очевидно, о чем писал, правда, позже Иван Ильин, что «фашизм возник как реакция на большевизм, как «концентрация государственно-охранительных сил направо»⁷.

Оправдание Троцким жертв Октября ничем не отличается от того, как оправдывал кровь революции в работе, вышедшей в 1937 г. Николай Бердяев. Когда «народы... ищут

⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 1, стр. 52–3.

⁷ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. I, стр. 86.

выход из невыносимых тягот в революции, — писал Лев Троцкий, — нет смысла прибегать к разговорам о ее человеческой цене. Процессы великих преобразований надо мерить адекватными им масштабами. . . Даже если бы, силой неблагоприятных обстоятельств и вражеских ударов, советский режим — допустим на минуту — оказался временно опрокинут, неизгладимая печать Октябрьского переворота все равно осталась бы на всем дальнейшем развитии человечества»⁸.

И поразительно, что политический противник Троцкого и Ленина, критик большевистского тоталитаризма и большевистского «палачества» Николай Бердяев практически в тех же словах, что и Троцкий, оправдывает историческое значение Октябрьского переворота. Настойчивость Троцкого в позитивной оценке Октября понятна. Речь идет здесь о его личной роли в этом процессе воздействия Октября на человеческую историю. На самом деле самые эгоистичные и самолюбивые представители российской интеллигенции как раз и выбрали революционный марксизм, дело огня и крови. И то что Троцкий, как и Ленин, своим октябрьским переворотом и его несомненными последствиями оставил след в человеческой истории, не вызывает возражений. Другое дело, как он оценивал эти громадные последствия. Но что заставило Николая Бердяева при оценке Октября перешагнуть через христианское «Не убий!» и призывать, как и Троцкий,

⁸ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 376–77.

измерять революцию «другими масштабами». Но тем не менее цитирую Николая Бердяева. Его мнение и сегодня важно в споре о роли Октября в истории XX в. «Трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду ее насилия и крови, и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает еще больше насилий и проливает еще больше крови. Революция, совершающая насилие и проливающая кровь, есть грех, но и война есть грех, часто еще больший грех, чем революция... Но революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду... Революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна... Таково проклятие греховного мира... И на русской революции, быть может больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса. Смешны и жалки суждения о ней с точки зрения нормативной религии и морали»⁹. И последнее, об историческом «отпечатке» Октября. Вот что говорит по этому поводу Николай Бердяев: «Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ»¹⁰.

Разница между позитивной оценкой роли Октября Троцким и Бердяевым состоит только в том, что первым при оцен-

⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990, стр. 107.

¹⁰ Там же, стр. 108–09.

ке большевистского переворота движет прежде всего личное самолюбие, а Бердяевым – русский патриотизм, желание доказать себе, что русские тоже могут совершить нечто великое. И все-таки надо видеть существенную разницу между подходом Льва Троцкого и Николая Бердяева к проблеме цены Октября и советского эксперимента и нынешним подходом к этой проблеме. Что, кстати, не учитывают в современной, особенно посткрымской, России, в которой идеологическая инициатива принадлежит вождям и идеологам Изборского клуба. И в начале 1930-х годов, когда Троцкий работал над своей, на мой взгляд, эпохальной «Историей русской революции», и во второй половине 1930-х годов, когда Николай Бердяев писал свой основной труд о сути большевизма, сохранялась объединяющая и Троцкого, и Бердяева надежда, что миру капитализма, буржуазной цивилизации уже пришел конец, и что поэтому оправдано даже несомненное зло, неизбежное и даже необходимое для окончательной очистки человечества от скверны капитализма. Не забывая, что Бердяев до конца жизни сохранял негативное отношение к капиталистической цивилизации. И Троцкий в своем рассказе об «искусстве восстания» (речь шла прежде всего о природе пролетарской революции) настаивал на том, что ее «основная предпосылка состояла в том, что существующий общественный строй оказывается неспособен разрешить насущные задачи развития нации»¹¹.

¹¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976.

Троцкий на протяжении всей своей «Истории русской революции» демонстрирует веру в неизбежность европейской пролетарской революции, которая закроет последнюю страницу в истории капитализма, буржуазной цивилизации. С 1917 г. он «все... надежды свои возлагал на то, что наша революция развяжет европейскую революцию... Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капитализм всех стран задушит нашу революцию»¹².

Бердяев, как и Троцкий, был убежден, что капиталистическая цивилизация себя изжила, о чем он много пишет в своем «Новом Средневековье», изданном, кстати, в Берлине еще в 1924 г., Николай Бердяев посвящает несколько страниц описанию гибели европейской так называемой «индивидуалистской цивилизации» вместе с капитализмом. «Эти оковы падают, – пишет он, – эти формы низвергаются. Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистская эпоха»¹³. Николай Бердяев потому и поддерживал фашизм Муссолини, что видел в нем, наряду с коммунистической Россией, подтверждение общей закономерности перехода человечества к «коллективистской эпохе».

И конечно эта вера во всемирно-историческое значение

Т. II. Ч. 2, стр. 191–92.

¹² Там же, стр. 367.

¹³ Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон; Реабилитация, 2002, стр. 233.

Октябрь связана и у Льва Троцкого, и у Николая Бердяева с надеждой, что советская система, социалистический эксперимент не просто вытравит из русского человека и даже русского крестьянина индивидуализм, но родит принципиально нового человека с абсолютно новой целиком духовной мотивацией к труду, к жизни в целом. И надо сказать, что в этом вопросе переделки человека Лев Троцкий был более осторожен, более реалистичен, чем Николай Бердяев. Комментируя ленинский декрет о земле, Троцкий пишет, что в такой «исторически запоздалой» стране, как Россия, в «крестьянской стране, одной из самых отсталых стран Европы, социализм не может победить в ней тотчас: сам факт отмены частной собственности на землю навсегда не изменит сразу же частнособственническую природу крестьянства»... И, говорит Троцкий, в этих условиях одна надежда на «новый режим», который сможет его, крестьянина, перевоспитать, «не сразу, а в течение многих лет, в течение поколений, при помощи новой техники и организации хозяйства»¹⁴.

Кстати, Ленин тоже понимал, что на самом деле русский крестьянин, отдавший власть большевизированным советам, хочет совсем другого. Ленин осознавал, что на самом деле «крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнилельно его нормировать... периодически снова уравнивать». Но Ленин рассчитывал, что когда будет отме-

¹⁴ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 1, стр. 359.

нена частная собственность на землю, когда будет «подорвано господство банков», которые помогали крестьянину покупать инвентарь, когда «господство капитала будет подорвано», то «при переходе политической власти к пролетариату» ему, крестьянину, уже не будет других возможностей, кроме как переходить к коллективному труду, т. е., говорил Ленин, все «остальное подсказано будет практикой» жизни¹⁵.

Но история СССР не пощадила этот своеобразный реализм «лидеров большевизма». Двух десятилетий жизни при господстве власти пролетариата не хватило, чтобы убедить крестьян бросить свое собственное хозяйство и идти в колхозы. Отсюда и сталинская насильственная коллективизация, приведшая к массовым антиправительственным выступлениям. Только в 1930 г. органы ОГПУ привлекли по делам об участии в антиправительственных выступлениях 179 620 человек, из которых 20 тыс. были расстреляны¹⁶.

Троцкий, как и Ленин, в первые годы после Октября потому и связывал все надежды на реальную победу социализма в России с немецкой революцией, что на самом деле не верил, что «вечно догоняющая Россия» сможет сама переделывать на социалистический, коллективистский лад многомиллионную крестьянскую нищую Россию. Хотя при всем этом он считал, что при диктатуре пролетариата русский народ

¹⁵ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 358.

¹⁶ История России. XX век. 1894–1939. М.: Астрель, 2000, стр. 890.

совершит рывок в культурном отношении и создаст нечто такое, что войдет в сокровищницу мировой культуры. Нельзя забывать, что Троцкий, как и Ленин, откровенно пренебрежительно относился к русской культуре XIX – начала XX в., называя ее «дворянской». Он считал, что «опрокинутая октябрьским переворотом дворянская культура представляла собою, в конце концов, лишь поверхностное подражание западным образцам. Оставаясь недоступным русскому народу, она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества»¹⁷. И надо сказать, что подход Троцкого к проблеме возможности построить социализм в одной, к тому же отсталой в цивилизационном отношении стране, ничем не отличался от подхода к этой проблеме Ленина, Бухарина. По крайней мере, до 1924 г. руководство партии, включая Сталина, исходило из резолюции Ленина, одобренной на апрельской конференции 1917 г., которая гласила: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования»¹⁸. Отсюда и все надежды и планы, связанные с «революционным движением на Западе. Защищая на VII съезде партии в марте 1918 г. подписание Брестского мира, Ленин говорил: «Если смотреть во

¹⁷ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 376.

¹⁸ Там же, стр. 426.

всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной»¹⁹.

Конечно, тогда никто из вождей Октября, вождей большевизма, не задумывался об осуществимости учения Карла Маркса о коммунизме, об осуществимости скачка из царства необходимости в царство свободы. Сомнение в истинности марксизма как подлинной науки никогда не посещало Троцкого, как и Ленина. Марксизм для них был символом веры. Троцкий умирает в 1940 г., сохраняя в своем сердце веру в неизбежность всемирной пролетарской революции. Как истинно верующий человек не сомневается в существовании Бога, так и революционер-марксист не мог, по определению, сомневаться в неизбежности царства коммунизма на земле. Не сомневались в истинности марксистского учения о коммунизме даже меньшевики, тот же Мартов.

До середины 1920-х годов, как утверждалось в «Азбуке коммунизма», партийном учебнике, составленном Бухариным и Преображенским, среди большевиков сохранялась вера, что «коммунистическая революция может победить только как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили в одной стране, очень затруднено экономическое строительство. Для победы коммунизма необ-

¹⁹ Ленин В. И. Политический отчет. Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 36, стр. 11.

ходима победа мировой революции»²⁰.

Сегодня можно сказать, что в одном большевики середины 1920-х годов были правы. Коммунизировать русско-го крестьянина советская власть так и не сумела. Другое дело, что сама по себе коммунистическая идея была утопией. Парадокс состоял еще и в том, что даже враг «большевицкой деспотии» Николай Бердяев сохраняет до конца жизни веру в возможность осуществления учения Карла Маркса о коммунизме, о преодолении овеществления человеческих отношений и соответственно позитивно оценивает Октябрь до своей кончины, т. е. до второй половины 1940-х годов. И сам по себе этот факт свидетельствует о том, что жажда преодоления буржуазности была характерна даже для той части русской интеллигенции, которую Ленин обозвал нехорошим словом. Бердяев в своем «Самопознании» признается, что он с чувством облегчения встретил большевицкий Октябрь, ибо «верил во внутренний процесс перерождения коммунизма, в освобождение от гнета, которое произойдет через духовное возрождение»²¹. «Я был совершенно убежден, – пишет он, – что старый мир кончился и что никакой возврат к нему невозможен и нежелателен»²². Пара-

²⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 442.

²¹ Бердяев Н. А. Самопознание // Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002, стр. 346.

²² Там же, стр. 478.

докс на парадоксе. В отличие от материалиста Троцкого идеалист Бердяев верит, что закреплённая в сталинской Конституции 1936 г. отмена частной собственности на производство, запрет на эксплуатацию человека человеком «пробуждает и расковывает огромные силы русского народа». Правда, считает Бердяев, «свободы человека все еще нет»²³.

Так вот. Когда мы сегодня возвращаемся к поставленному еще в 1932 г. Львом Троцким вопросу о человеческой цене начатого большевиками коммунистического эксперимента, мы обязаны учитывать то, что не могли и не хотели предвидеть ни Троцкий, ни Бердяев. История начисто опровергла все, на чем держалась вера последнего в исторический смысл Октября, его вера в то, что «возврата нет к тому, что было до большевистской революции», что все «реставрационные попытки бессмысленны и вредны, хотя бы то была реставрация принципов Февральской революции»²⁴.

Но сегодня Россия вернулась к программе кадетов, к программе строительства того, что называлось «буржуазной цивилизацией». Главное, что мы сегодня должны учитывать, рассуждая об историческом смысле Октября, как раз и состоит в том, что спустя более 70 лет после победоносного октябрьского переворота Ленина и Троцкого, Россия вынуждена, чтобы сохранить условия для своего цивилизационно-

²³ Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002, стр. 244.

²⁴ Бердяев Н. А. Самопознание // Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002, стр. 476.

го развития, возвращаться к тому, от чего она ушла после Октября, а именно – к частной собственности на землю, вообще к частной собственности на средства производства, к рыночной экономике и к частнокапиталистическому предпринимательству, вынуждена провозгласить ценности Февраля, ценности либеральной кадетской партии, а именно – свободу собраний, свободу слова, свободу совести, ценность права и человеческой жизни. Павел Милюков в своей «Истории второй русской революции» (для него, как и для Льва Троцкого, Февраль и Октябрь – это два этапа одной и той же революции) вспоминал о меньшевике Либере, который в октябре на заседании Совета республики упрекал «товарища Троцкого», что он, как и большевики, не понимал, что «сама по себе власть, тем более диктатура пролетариата, не может родить хлеб, покончить с голодом»²⁵. И действительно, как показал коммунистический эксперимент в России, сама по себе железная дисциплина труда, которую принесли в Россию большевики, за 70 лет так и не смогла решить «проблему голода» как продовольственную проблему, так и проблему извечного дефицита. Коллективный труд на земле давал только 30 % продовольствия. Остальные 70 % продовольствия давал сохранившийся индивидуальный сектор, т. е. так называемые приусадебные участки крестьян и рабочих. Два процента земли, оставшиеся в частном владении, на

²⁵ Милюков П. Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002, стр. 638.

протяжении всей истории колхозного строя давали от 25 до 30 % валового производства сельского хозяйства СССР. Одна треть урожая погибала на протяжении всей истории социалистического хозяйствования на земле. Коллективный труд на земле не родил не только нового человека-коллективиста, но и не привел к какому-либо росту производительности труда на земле. Производительность труда в сельском хозяйстве в СССР в 1980 г., по официальным статистическим данным, была в 4,8–5 раз ниже, чем в капиталистических США. И совсем не случайно продовольственный кризис 1990 г., пустые полки в Москве и в других крупных городах РСФСР, вызванный нехваткой валюты для покупки зерна, как раз и послужил толчком к распаду созданного Лениным социализма. Советская власть, особенно при Сталине, обладала уникальной возможностью для подавления недовольства, рожденного нехваткой продуктов питания. Но советская власть, контролирующая ровно 50 % мировой пахотной земли, так и не смогла решить до конца продовольственную проблему. Большой вклад в дело доказательства утопичности марксизма как раз и привнес русский крестьянин, десятилетиями сопротивлявшийся колхозной системе.

И самое поразительное, на что мало обращают внимание до сих пор, даже несомненные успехи СССР, большевистской власти в деле преодоления неграмотности, невежества подавляющей части населения дореволюционной России, несомненные успехи в деле интеллектуализации насе-

ления, не привели к активности сознания, активности мысли, к чувству личной ответственности за свой собственный выбор, к появлению того, чего не хватало русскому человеку, а именно – чувства реальности, не привели к преодолению русского максимализма, русской любви к простым и скорым решениям. В «Истории русской революции» Троцкий пишет, что судьбу революции 1917 г. решили делегаты II съезда Советов, т. е. «тяжеловесный крестьянский гарнизон», имел в виду «крестьян в солдатских шинелях»²⁶. Дефицит правового сознания, пренебрежение к праву привели крестьян к большевикам в 1917 г. Но вряд ли сегодня в посткоммунистической России правовое сознание русских стало крепче после 70-летнего коммунистического эксперимента.

В стране с многомиллионной интеллигенцией до сих пор, даже четверть века спустя после смерти советской системы, сохраняется русская традиция авторитарной власти. Выяснилось, что мы не в состоянии создать полноценное гражданское общество. Посткоммунистическая Россия является единственной из бывших социалистических стран Европы, если не принимать во внимание Белоруссию Лукашенко, которая так и не сумела создать политическую систему, предусматривающую разделение властей, создать гражданское общество. Советы, лишённые «скрепов», руководящей роли КПСС, как выяснилось, не оставили в народе никакого на-

²⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 314.

следства.

Кстати, сам факт, что в России после 70 лет советского, якобы коллективистского эксперимента, начисто умерла потребность в добровольной крестьянской кооперации, не только производственной, но и бытовой, потребительской, говорит о полном фиаско советской идеи. Кооперативное производство на селе сегодня не охватывает даже нескольких процентов. Поразительно, что советская система убила и традиционную для старой России пролетарскую солидарность, вообще так называемое рабочее, классовое самосознание. И самое главное, что обращает на себя внимание уже в посткрымской России: грамотность, образованность населения не только не породила человека-гражданина, но и не привела к преодолению традиционной русской недооценки ценности человеческой жизни. Мы до сих пор спокойно жертвуем людьми во имя различного рода государственных спектаклей.

Мы не имеем права сегодня рассматривать поставленный Троцким драматический вопрос о человеческой цене победы Октября, дела Ленина и Троцкого, не учитывая тот основополагающий факт, что начатый по инициативе вождей Октября и продолженный Сталиным коммунистический эксперимент потерпел фиаско. Конечно, остались позитивные результаты этого эксперимента, наследие советской промышленности и науки, национальный суверенитет, осталась Россия, правда, в границах РСФСР. Но было ли обязательно

положить в вечную мерзлоту полмиллиона зэков, чтобы построить норильский комбинат, а спустя десятилетия, передать его в собственность Потанина и Прохорова? И главное, что мы не можем не учитывать сегодня. Надежды русской интеллигенции, Николая Бердяева, надежды большевиков-марксистов, на то, что старый мир, старая буржуазная капиталистическая цивилизация погибнет, что тем самым Россия никогда не вернется назад, рухнули. Капиталистическая цивилизация превратилась в глобальную после Второй мировой войны, она обеспечила невиданный экономический рост, подъем благосостояния не только многих стран Европы, но и Азии.

И поэтому, на мой взгляд, нельзя говорить об Октябре как о «великом» событии в том смысле, что он чем-то обогатил человечество, принес нечто такое, что остается на будущее, на века. На сегодняшний день от советского эксперимента в международном масштабе остается только сталинизм XXI в., т. е. Северная Корея и постепенно уходящая от коммунизма Куба. Скорее оказался прав Петр Чаадаев, который предупреждал, что на самом деле наша русская миссия в том, чтобы показать человечеству, чего не надо ни при каких обстоятельствах делать.

Несомненно, победа большевиков в России, советский эксперимент ускорили социализацию и гуманизацию капиталистического общества. Но при этом не надо забывать, что социализация капиталистического общества, превращение

пролетария в гражданина является делом рук немецкой социал-демократии.

Октябрь как бунт против духовных основ человеческой цивилизации

В любом случае для того чтобы осознать смысл и значение Октября в контексте современности, актуализировать этот юбилей в контексте проблем современной России, на мой взгляд, надо составить себе более правдивую и объективную картину наследства советской истории. И надо понимать, что Октябрь ставит ключевой вопрос о цивилизационной состоятельности русского народа. Почему другие народы Европы смогли, в отличие от русских, решить проблему индустриализации без гражданской войны, без многомиллионных жертв? Почему дореволюционная Россия, Россия Николая II смогла за 20 лет без всякой советской власти совершить рывок и в области производства, и в области роста населения?

Троцкий, как и Ленин, не только не любил, но и откровенно ненавидел «образованную», «просвещенную» Россию. Большевики, считал он, «не пугались отсталых слоев, которые впервые поднимались с самого дна»²⁷. Никто не говорил так откровенно, как Троцкий, что большевики исполь-

²⁷ Там же, стр. 198.

зовали во имя прекрасного будущего человечества самые низменные человеческие страсти – ненависть к образованным, успешным, богатым. В рабочем, пишет Лев Троцкий, говорит не столько классовое сознание, сколько «инстинкт угнетенного человека»²⁸. Демонстрация ненависти рабочих и крестьян к «угнетателям» вылилась в расправу кронштадтских матросов над ненавистными офицерами, хотя они, по словам Троцкого, «хватали через край». «Но можно ли сделать революцию без участия людей, которые хватают через край?» – спрашивает он²⁹.

Особенность большевиков и их вождя Ленина, пишет Лев Троцкий, состояла в том, что они не побоялись «открыть важную страницу в истории человечества» с помощью нового издания русской пугачевщины, русского бунта. «Не большевики виноваты в том, по мнению Троцкого, что грандиозные крестьянские движения прошлых веков не привели к демократизации общественных отношений в России, – без руководства городов это было неосуществимо! – как не большевики виноваты и в том, что так называемое освобождение крестьян в 1861 г. произведено путем обворовывания общинных земель, закабаления крестьян государством и полного сохранения сословного строя. Верно одно: большеви-

²⁸ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. I, стр. 342.

²⁹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 1, стр. 70–1.

кам пришлось в первой четверти XX в. доделывать то, что не было доделано или вовсе не было сделано в XVII, XVIII и XIX вв. Прежде чем приступить к своей собственной большой задаче, большевики оказались вынуждены очищать почву от исторического навоза старых господствующих классов и старых веков...»³⁰. На самом деле, считает Троцкий, Октябрьский переворот был не столько социалистическим, сколько антифеодальным.

Всем тем, кто сегодня говорит о великом Октябре, надо учитывать, что для большевиков «историческим навозом» была не только русская аристократия, помещики, русское дворянство, потомственное русское офицерство, но и представители третьего сословия, те, кого русские марксисты вслед за Марксом называли «мещанами», т. е. «навозом», были и представители промышленного класса, интеллигенция, образованные классы России в целом. Врагами большевиков и тех народных низов, которые за ними шли, были те, кто превыше всего ставил ценность свободы, ценность собственности и личного успеха, ценность человеческой жизни.

Надо в конце концов учитывать, чего не понимают нынешние псевдопатриоты, пытающиеся соединить Октябрь с так называемой «русской идеей», что именно так называемый «великий Октябрь» породил нынешний дефицит на са-

³⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. I, стр. 448–49.

мое главное — на развитое национальное сознание и национальную память, на наличие национальной элиты, на знание своих национальных святынь и т. д. Деятельность партии большевиков, особенно во время Гражданской войны 1920-х годов, была направлена против всего, что было связано с дореволюционной Россией, не только против православия, национальных святынь, но и против великих побед, против духовных достижений русской общественной мысли, против великой русской культуры как «дворянской». Борьба с «буржуазной Россией» означала для Ленина и Троцкого прежде всего борьбу с образованной Россией. Борьба с буржуазией и интеллигенцией была на самом деле борьбой с основными достижениями человеческой цивилизации, с ее фундаментом.

Мы до сих пор в силу своей неискоренимой советскости не осознаем, что восстание большевиков против так называемого «мира буржуазии» был восстанием против фундаментальных основ европейской цивилизации, против образованных классов, против права, правового сознания, против свободы совести, свободы собраний, мысли и, самое главное, против права человека на жизнь. Наверное, заслуга Льва Троцкого, в отличие от Ленина, склонного к самоанализу и саморефлексии, состоит в том, что он обо всем этом говорит открыто и считает марксистскую революционность против основ буржуазной европейской цивилизации как раз своим моральным преимуществом. Он, как и Ленин, открыто го-

ворит, что их революция, как и революция Робеспьера, является подлинной революцией, ибо присвоила себе право на жизнь людей, право убивать тех, кого считает врагами своего дела.

Троцкий пишет: «В революционной борьбе свобода печати – только один из родов оружия. Право на слово, во всяком случае, не выше, чем право на жизнь. А революция присваивает себе и это право»³¹. Честно, но страшно.

Так что Октябрь был великим в том смысле, что передал Россию в руки тех, кто присвоил себе право убивать своих соотечественников по своему партийному усмотрению. Ценность смерти была куда более значимой для большевиков, чем ценность свободы и человеческой жизни. Нельзя ничего понять ни в Октябре, ни в его последствиях, в последствиях 70-летнего эксперимента в России, не принимая во внимание, что возглавляла Октябрь партия, зовущая убивать, призывающая как можно к большему количеству жертв во имя, как оказалось, утопической идеи. Разница между Французской революцией 1789–1794 гг. и Октябрьской состоит в том, что Франция сумела терпеть якобинцев-палачей у власти всего несколько месяцев, а в России подлинные большевики-ленинцы и сталинцы продержались у власти около 40 лет, до смерти Сталина. С моей точки зрения, подлинная власть большевиков в России закончилась во времена хрущёвской оттепели, во второй половине 1950-х годов. Этого

³¹ Там же, стр. 267.

было достаточно, чтобы на десятилетия создать особого советского человека, для которого убийство «классового врага» не является преступлением и который сейчас, спустя четверть века после смерти советской системы, обожает убийцу и садиста Сталина.

Троцкий, который постоянно ссылается на якобинскую диктатуру как на пример движения истории вперед, через диктатуру, почему-то забывает, что Франция и Европа на самом деле не захотели двигаться в будущее, опираясь на непрекращающуюся работу гильотины. Соответственно, все рассуждения Троцкого о том, что чем «грандиознее задачи» революционной партии, тем сильнее должна быть ее диктатура и тем больше людей она имеет право убивать, ни на чем не основаны. Человеческой цивилизации куда больше оставил контрреволюционер Наполеон со своим «Кодексом», чем Робеспьер со своей гильотиной и Конвентом. По этой же причине, я настаиваю на этом, ничего позитивного на самом деле не оставила партия Ленина, который еще до Троцкого утверждал, что подлинный революционизм невозможен без права убивать себе подобных. Трагедия состоит в том, и это все более и более дает о себе знать в современной России, что после того как несколько поколений русских людей были воспитаны в духе ленинского «нравственно все, что служит делу победы коммунизма», уже стало невозможным духовное выздоровление русского человека.

Не могла оставить позитивный след в духовном разви-

тии России партия, исповедующая идеологию плебейского терроризма. Не забывайте, Ленин уже в революции 1905–1907 гг. призывает восставших «разделаться с монархией и аристократией “по-плебейски”», т. е. «подавляя силой их сопротивление», убивая их. Призывая к убийствам во имя «очищения почвы» России от остатков аристократии он, Ленин, ощущает себя просто последователем Маркса, который действительно в своей теории революции ставил во главу угла французский терроризм. В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин цитирует соответствующее высказывание Карла Маркса. «Весь французский терроризм, – писал Маркс в знаменитой “Новой Рейнской газете” в 1948 г., – был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с атавизмом, феодализмом и мещанством»³². Обратите внимание! Карл Маркс, а за ним и Ленин, призывает во имя счастливого коммунистического будущего убивать не только аристократов, потомков феодалов, но и так называемое «мещанство». А что такое «мещанин» в соответствии с теорией марксизма? Это порождение буржуазной цивилизации, это человек, имеющий свою крышу над головой, как правило, образованный человек, имеющий собственные наличные доходы. Вот почему ни Ленин, ни Троцкий не скрывали, что их революция направлена против образованной России. Все

³² Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 11, стр. 47.

это еще раз подтверждает мой тезис, что марксизм, как и его дитя большевизм, был направлен против основ человеческой цивилизации.

В полном соответствии со своим пониманием революции как права на убийство своих соотечественников, не только политических, но и идейных противников, Ленин уже не только после победы Октября, но и после победы в Гражданской войне призывает убивать остатки старой, феодальной России и прежде всего священнослужителей, духовенство. В марте 1922 г., в разгар кампании по разграблению церкви, Ленин как всегда «строго секретно» призывает: «...Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше». Большевизм Ленина и примкнувшего к нему в мае 1917 г. Троцкого, обращаю на это внимание в контексте спора о величии Октября, был направлен не столько против аристократии, наследства феодализма, сколько против образованной, по их словам, «буржуазной России». В этой ненависти Ленина и Троцкого к образованной России было что-то болезненное, идущее не столько от марксизма, сколько от комплексов (особенно это дает о себе знать на страницах «Моей жизни» Льва Троцкого и на страницах его «Истории русской революции»). Ленин в интеллигенции ненавидел то, что он называл «сентимен-

тальностью», подразумевая под нею проявление жалости, сострадания, милосердия. Его девиз: «Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество»³³. Ильич справедливо считал, что это чувство наиболее характерно для людей образованных, высокой культуры.

Октябрь не был пролетарской революцией

Когда мы сегодня хотим понять исторический смысл и истоки Октября, то надо, конечно, учитывать, о чем честно писали и говорили его вожди, что, строго говоря, большевики были партией не столько пролетарского протеста (квалифицированные, мыслящие рабочие, как правило, не шли за большевиками), сколько партией ненависти необразованных народных масс, как честно признавался Троцкий, – партией «дна общества», партией, выражающей интересы и настроения «плебеев». Троцкий не скрывал, что II съезд рабочих и солдатских депутатов, который был политической предпосылкой Октября, его легитимной основой, состоял прежде всего из «плебеев», и это говорит об исходном цинизме вождей большевизма. С одной стороны, как говорил Ленин, «русские – народ держиморда», а с другой – они – необходимый строительный материал для создания «нового мира». «Съезд советской диктатуры», съезд Советов, ко-

³³ Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 44, стр. 116–17.

торый открылся в Смольном 25 октября 1917 г., накануне штурма Зимнего, пишет Лев Троцкий, был съездом «плебейской нации», парламентом народных низов. Среди делегатов съезда не было, по словам Троцкого, ни «офицерских погонов», ни «интеллигентских очков»³⁴. Мы, бывшие советские люди, воспитанные в духе марксистско-ленинской классовой идеологии, не осознавали реальный человеческий смысл этого признания Льва Троцкого, мы не понимали, что власть большевиков была выбором необразованной, невежественной России, была выбором людей, живущих инстинктом ненависти и зависти, не понимали, что новая власть утвердилась, а потом долгое время существовала вопреки желаниям и настроениям как раз тех, кто обладал способностью мыслить, обладал чувством реальности и обладал профессиональным мастерством.

Текст «Истории русской революции» Льва Троцкого важен тем, что ее автор на многочисленных примерах доказывает, что, строго говоря, Октябрь по лозунгам, по субъекту революции, по требованиям восставших против коалиционного правительства Керенского не был социалистической революцией в марксистском смысле слова. Другое дело, что большевики использовали очередное издание русской пугачевщины для захвата власти и для попытки реализовать в России марксистский проект коммунистического общества.

³⁴ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 327–28.

Об этом предельно откровенно говорит Троцкий. Мятежники Балтийского флота, которые сыграли решающую роль в подготовке и осуществлении Октябрьского переворота, пишет Троцкий, поддерживали большевиков именно потому, что это была единственная партия, которая если не поощряла, то не препятствовала их жажде расправы над офицерством. Но все дело в том, что «скорые на жестокую расправу» матросы и солдаты проявляли «детскую доверчивость... к слову большевистских агитаторов»³⁵.

Солдатская база Октября, а потом уже будущая социалистическая русская нация, на самом деле пишет Лев Троцкий, формировалась «из сырого безличного доисторического материала». Но на том этапе, в месяцы, предшествовавшие Октябрю, это были «солдаты, тяжело шевелящие мозгами»³⁶. И что самое главное, это были люди, у которых уже ничего не осталось в душе от православия, от христианской морали. «Вечные нормы морали, увы, – пишет Лев Троцкий, – оставались чужды этим корявым и вшивым мужикам»³⁷. Эти люди несли с собой стихию злобы, смерти и всеразрушения, которая была родной только для одной партии, для большевиков. «Казалось, – пишет Николай Суханов в своих воспоминаниях о встрече петербургских большевиков с приехав-

³⁵ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. I, стр. 288.

³⁶ Там же, стр. 315.

³⁷ Там же, стр. 316.

шим в Петроград Лениным, – из своих логовищ поднялись все стихии и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников»³⁸. Все это подтверждает, что никто, кроме большевиков, особенно кроме Ленина, не обладал уникальной способностью вызывать у представителей русских народных масс, у представителей, как говорил Лев Троцкий, «русской плебейской нации» дух всеразрушения, утрату чувства реализма, чувства сомнения, утрату чувства способности отдавать себе отчет в собственных действиях.

Для человечества, на мой взгляд, важен не столько опыт использования большевиками социального хаоса, стихии всеразрушения для своих политических целей, сколько опыт его обуздания. Это на самом деле уникальный опыт. Сначала использовать «красного петуха», но потом спокойно отрубить ему голову. Большевики сумели прекрасно использовать цивилизационную недоразвитость русского человека в своих целях. Ни один обладающий совестью политик, кроме большевиков, не мог бы так откровенно использовать инстинкт ненависти, жажду раздела чужой собственности, невежество народных низов для овладения властью во имя совершенно чуждых этим людям целей. Ведь никто из этих миллионов, которые пошли за большевиками, не хотели, более того, были противниками коммунистической организа-

³⁸ Там же, стр. 332.

ции труда и распределения, которую уже через несколько месяцев после Октября, весной 1918 г., еще до начала Гражданской войны, начнет воплощать в жизнь партия Ленина.

Парадокс русской истории состоит в том, что люди, жаждущие только одного – сохранить себе жизнь, не погибнуть ни на фронте, ни от голода, отдали себя целиком и без остатка в руки партии смерти, партии бесконечной гражданской войны.

Кем были большевики?

Нельзя ничего понять в том, что произошло с Россией в 1917 г., не составив правдивый образ большевизма, реалистических, правдивых представлений о том, кем были вожди этой партии, что двигало на самом деле их политической активностью. Нельзя понять, почему советский эксперимент не родил новый тип духовности, не принимая во внимание моральное уродство большевизма. Это, во-первых. Во-вторых, надо составить себе точный образ требований, целей, которые, по выражению Троцкого, выдвигали «народные низы», пошедшие за ними и позволившие им взять власть. В-третьих, надо увидеть, как и каким образом большевики, сумевшие взять власть в 1917 г., преодолевали этот вечный разрыв между программой большевиков и ожиданиями людей, которые пошли за ними, отдали в их руки свои судьбы во имя совсем других целей. Нечестно использовать урав-

нительные, распределительные настроения необразованных крестьянских масс, не имеющих ничего общего с социализмом, писала Ленину Роза Люксембург в 1917 г. Но Ленин считал, что нравственно все, что служит победе коммунизма.

Итак, во-первых. Большевизм был прежде всего партией гражданской войны, он ставил тогда своей целью превращение империалистической войны в гражданскую, сначала в одной стране, а затем в рамках передовых стран Запада, и прежде всего в Германии. Троцкий с гордостью писал, что созданная им в 1917 г. «рабочая гвардия» была партией грядущей гражданской войны. Большевики отличались от кадетов тем, писал здесь же Троцкий, что они не боялись посягнуть на собственность, на богатство, на образование, на закон и на сословные различия. Это была партия тотального присвоения чужой собственности, тотальной конфискации. И в этом состоял реальный человеческий смысл марксистской идеи обобществления всех средств производства. Это были люди, которые считали, что нет ничего недозволенного, невозможного во имя «толчка истории», во имя преодоления аморальной эксплуатации человека человеком, осуществления предначертаний Карла Маркса. Они не побоялись, о чем открыто писал Троцкий, использовать представителей «плебейской нации», людей в серой одежде и с «серыми», невыразительными лицами для осуществления своих

партийных и, как они считали, исторических целей³⁹. Большевики, в отличие от меньшевиков, эсеров, приветствовали расправу крестьян над помещиками, приветствовали единственный социализм русского крестьянства, т. е. коллективный разгром помещичьих владений, усадеб. Троцкий в своей книге обращает внимание, что стихийный коллективизм крестьянской общины проявлялся в принуждении к участию в разгроме даже «крепких крестьян», кулаков.

Он напоминает, что были случаи, когда «уклонение (крестьянина) от участия в разгроме каралось смертью ослушника»⁴⁰. Начиная с последних чисел сентября в Таврической губернии, по воспоминаниям крестьянина Гапоненко, его односельчане «стали громить экономику, разгонять заведующих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, инвентарь. Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались»⁴¹.

Посвящая несколько страниц рассказу о дикости и зверстве погромщиков-крестьян, какой же вывод делает Троцкий. Все эти погромы в историческом смысле неполноценны, заключает он, ибо оно, «крестьянское движение в 1917 году в социальной основе своей было направлено не против капитализма, а против пережитков крепостничества». Троц-

³⁹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 327–28.

⁴⁰ Там же, стр. 20.

⁴¹ Там же, стр. 15.

кого не волнует, что эти погромы крестьян были проявлением дикости, вандализма, зверства, несли в себе нечто античеловеческое. Его волнует, что в этих погромах не было антикапиталистических мотивов.

«На 4954 аграрных конфликта с помещиками в течение февраля, – октября – сожалеет Троцкий, – приходится всего 324 конфликта с крестьянской буржуазией»⁴². Дело коренным образом меняется, с чувством удовлетворения, пишет Троцкий, когда в 1918 г. развернулась «борьба с кулачеством», удовлетворением от того, что именно Троцкий, как и Ленин, организовал в 1918 г. широкомасштабную гражданскую войну в деревне. Кстати, по этой же логике классовой борьбы Троцкий должен был бы всячески поддерживать насильственную коллективизацию Сталина, который довел начатую им и Лениным борьбу с кулачеством до логического конца.

И сами по себе эти рассуждения Троцкого о погромах в деревне очень показательны для характеристики мировоззрения вождей Октября. Эти люди были заинтересованы в обострении социальных конфликтов, в крови, в гибели людей, тем самым, как им казалось, социальная почва очищалась от остатков капитализма, товарных отношений. И самое поразительное, что ни Троцкий, ни Ленин не испытывали никакого уважения к народу, который они сознательно использовали, как кроликов, в качестве материала для созда-

⁴² Там же, стр. 20.

ния плацдарма ожидаемой ими всемирной пролетарской революции. Троцкого, в отличие от кадетов, не пугает, что он и партия Ленина, к которой он примкнул, связывает себя с «обычными, бессмысленными, тупыми, злобными физиономиями», с народными низами России.

Троцкого не волнует, что грядущая гражданская война, усиление голода приведут к гибели значительной части образованных людей, плохо приспособленных к такой жизни. Во время военного коммунизма с его продразверсткой ушла из жизни в 1918–1920 гг. половина членов Академии наук России. Троцкого, как и Ленина, не волнует, что их война против образованной России, всех этих, как он любил говорить, работников кафедр, интеллигентов и полуинтеллигентов, профессоров, адвокатов, журналистов, бухгалтеров и т. д. может привести к понижению интеллектуального уровня нации, ее способности адекватно и активно мыслить, ее способности созидать. На протяжении всей своей тысячестраничной «Истории ...» он десятки раз говорит о русских как о нации, отличающейся «леностью мышления», нации тугодумов, нации с заскорузлыми, еле двигающимися мозгами. Генералы Русской армии для него сплошь дураки. Неужели Троцкий не понимал, что, лишая России ненавистной ему интеллигенции, он во многом подрывает условия для реализации своей собственной социалистической программы облагораживания русской жизни. Не секрет, что качество мышления, особенно гуманитарной интеллигенции,

в СССР было куда ниже, чем в дореволюционной России. Сравните дореволюционные «Вопросы философии и психологии» с советскими «Вопросами философии», тексты Ивана Ильина с текстами Григория Глезермана. Чем больше давала о себе знать недообразованность вождей Октября, тем более жестокие способы изживания из социалистической России интеллектуальной элиты они выбирали. Троцкий не понимал, что сделав ставку на «тяжело двигающиеся» русские мозги, он открывает дорогу к власти, как он писал, «великой посредственности» Сталину и тем самым подписывает себе смертный приговор.

За антиинтеллектуализмом вождей Октября, их открытой ненавистью к образованной буржуазной России стоит то, в чем их упрекали еще авторы «Вех», – прежде всего национальный нигилизм. Еще в статье Петра Струве в «Вехах» шла речь о религиозном и государственном нигилизме революционной интеллигенции, прежде всего большевиков. Кстати, Ленин был такой же убежденный враг «дворянской России», как и Троцкий. Отсюда готовность Ленина пожертвовать своей победой над Россией во имя более значимой победы пролетарской революции в Германии. Не было для вождей большевизма таких ценностей, как национальная элита, национальная государственность, национальные святыни, национальное сознание, национальный суверенитет, национальная память и т. д. Отсюда и ставка Ленина на поражение национального государства в империалистической

войне. По крайней мере, для Троцкого все великие русские писатели всего лишь представители «чуждой народу дворянской культуры». Даже Достоевский для него, как и для Ленина, всего лишь «эпилептический реакционер». Я уже не говорю о резком отношении вождей большевизма, как воинствующих атеистов, к религии, к православию, к национальной церкви России. Нынешние патриоты, которые говорят о «великом Октябре», забыли, что большевики порохом искореняли основу и образ русскости, не только православных священников, но и церкви. А Россия без красоты церквей — это уже не Россия.

Был ли Октябрь социалистической революцией?

И здесь мы подходим, во-вторых, к важному вопросу нашего исследования: была ли Октябрьская революция социалистической, и хотели ли народные массы какого-либо социализма. Очень важен анализ этой основополагающей проблемы самим Троцким. Он дает, как известно, отрицательный ответ на этот вопрос. Октябрь, говорит Лев Троцкий, нельзя назвать пролетарской, социалистической революцией по средствам ее победы, ибо решающую роль в захвате Зимнего дворца, в свержении буржуазного Временного правительства сыграл не пролетариат Петербурга, а Петроградский гарнизон, т. е. прежде всего крестьяне и отчасти рабочие, одетые в военные шинели.

Решил судьбу Октябрьского переворота тот факт, что на самом деле пружина и весь механизм часов восстания находился в руках Военно-революционного комитета, которым в тот момент руководил Председатель Петроградского совета рабочих и солдат Троцкий. На мой взгляд, важен честный и точный ответ Троцкого на вопрос о субъекте Октября. Октябрьская революция по целям ее вождей, по целям большевиков действительно **была борьбой пролетариата против буржуазии за власть**. Но решил исход этой борьбы не пролетариат, а «в последнем счете мужик». Но мужик, одетый в шинель, т. е. Петроградский гарнизон, не имевший в своих мыслях и в своих целях ничего антибуржуазного, т. е. социалистического, и тем более коммунистического. Руководствуясь «инстинктом сохранения», он поддержал большевиков потому, что они были против Керенского, который хотел их отправить на фронт, т. е. на смерть. Троцкий на нескольких страницах честно рассказывает, что судьбу Октября, судьбу России определил не идеал социализма, не лежащие в его основе коллективистские чувства, а напротив, пробудившийся индивидуализм, жажда сохранения своей собственной жизни. Зачем нам земля, говорили солдаты, если мы не будем живы, если Керенский снова пошлет нас на фронт.

Никакой загадки, пишет Троцкий, в Октябре не было: «Руководила переворотом партия: главной движущей силой был пролетариат, вооруженные рабочие отряды являлись ку-

лаком восстания; но решил исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон». И здесь же: «Безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство погубило себя и привело к власти большевиков»⁴³. И уже спустя несколько месяцев, еще до начала гражданской войны, Ленин в «Очередных задачах советской власти» объявляет непосредственный переход от индивидуального частного производства к коммунизму, к «всенародному учету и контролю за производством и распределением продуктов», к созданию трудовых коммун даже в деревне. Большевики пришли к власти, благодаря «тяжеловесным», туго думающим крестьянам, но большевики их откровенно обманули. Ведь ни Ленин, ни Троцкий не говорили этим людям, что на самом деле ни земли, т. е. земли в индивидуальное пользование, им не дадут, как не дадут и мира.

Таким образом, и это надо учитывать, подавляющее большинство населения России и прежде всего **абсолютно все крестьяне** никакого социализма не хотели, они не имели ни малейших представлений о целях и планах партии, которую поддерживали. Главными требованиями широких масс, которые в тот момент пошли за большевиками, были, во-первых, мир, т. е. сохранение жизни; во-вторых, земля, т. е. передел, вернее узаконивание произошедшего передела; в-третьих, сохранение жизни, т. е. устранение надвигающегося го-

⁴³ Троцкий Л. Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2, стр. 314–15.

лода. Все части, которые находились в октябре в Петрограде, «были связаны единством настроения: опрокинуть как можно скорее Керенского, разойтись по домам и заводить новые земельные порядки»⁴⁴.

Пробольшевистские настроения не были идейно оформлены, ничего сугубо социалистического в этих настроениях не было. Если бы Ленин сказал не только крестьянам, но и рабочим, что через четыре месяца он их будет загонять в коммуну, займется «продразверсткой», никакого Октября не было бы.

Правда, как признает Троцкий, состоит еще и в том, что никогда большевики не были партией большинства, не пользовались поддержкой большинства населения. Против большевиков было все кооперативное крестьянство, т. е. его самая сознательная, продуктивная часть, против большевиков была подавляющая часть образованной России, все офицерство, все мещанское население крупных городов, ремесленники и т. д. Даже в критический момент русской истории осенью 1917 г. так называемая пролетарская революция в России победила только потому, что большевикам на время удалось стать главенствующей силой в столице страны. Если бы Временное правительство догадалось перевести столицу из Петрограда в Москву после разгрома июльского большевистского восстания, то не было бы никакого Октября. Большевики Москвы были намного слабее, чем большевики Пет-

⁴⁴ Там же, стр. 202.

рограда.

Желая спастись от наступающего голода, народные массы, население Петрограда доверило свою судьбу партии, которая на протяжении десятилетий решала свои задачи за счет постоянного недоедания своего населения. Но легковёрный русский человек этого не понимал. И солдаты, и рабочие решили, что то, что не может решить правительство Керенского, обязательно решат большевики. Парадокс истории состоит в том, что не коллективистские чувства, а именно животный индивидуализм, желание во что бы то ни стало спасти свою жизнь, привели к большевикам, к партии предельного коллективизма миллионы русских людей.

***История СССР как различные способы
преодоления противоречия между требованиями
жизни и марксистской программой
социалистического строительства***

И, в-третьих, последнее в моем анализе истоков, природы и судьбы Октября. Надо напомнить, что марксистский проект коммунизма, изложенный в «Коммунистическом манифесте», в «Принципах коммунизма» Энгельса, предлагал уничтожение индивидуализма и частнособственнических не только в производстве, но и в быту. До сих пор идут споры, покушались ли Маркс и Энгельс на моногамную семью или

нет. В собрании сочинений Маркса и Энгельса, изданном в 1924 г., читаем: «Коммунистов можно было бы упрекнуть разве в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой». В издании 1955 г. слова «что они» заменены на «будто они». В любом случае, с точки зрения Маркса и Энгельса, коммунизм несовместим с частным, индивидуальным жилищем, обособленным бытом семьи. Маркс, кстати, разделял идеи Руссо о преодолении семейного воспитания и заменой его коллективным воспитанием людей.

В СССР были воплощены в жизнь только некоторые идеи коммунизма, связанные с экономической организацией общества. Вообще-то в основе экономических основ коммунизма лежала идея Бабефа и об использовании военной, командной организации для обустройства производства в национальном масштабе. Предлагалась национализация всех родов производства, отмена частной собственности вообще и планирование в национальном масштабе, исключающее капиталистическую конкуренцию. С точки зрения Карла Маркса, как и Бабефа, для коммунистической формации начиная с первой фазы коммунизма характерно и необходимо полное устранение денег и товарных отношений, т. е. непосредственное через государственные органы распределение не только производимых продуктов производства, но и продуктов питания. Суть идеи коммунизма большевики-ленинцы, а потом и Сталин все же воплотили в жизнь.

Речь идет о принципе мобилизационной экономики со всеобщей трудовой повинностью. Коммунистическая экономика рассматривалась как мобилизационная экономика с жесткой трудовой дисциплиной.

По сути, вводилось крепостное право в национальном масштабе, т. е. жесткое прикрепление всего населения к планам и задачам советского государства. Этот проект коммунистической организации труда подробно описан у Ленина и в «Очередных задачах советской власти», и в «Великом почине». И речь шла о введении «трудовой повинности» не только для «отживших классов», но и для рабочих и крестьян. Кстати, создатель учения о социалистической организации производства и промышленности Сен-Симон прямо говорил, что социализм есть прежде всего «новый феодализм», ибо предполагает жесткое закрепление рабочих за фабриками и даже за бараками, в которых они должны жить. *Ирония истории состоит в том, что на самом деле коммунизм и коммунистическая организация труда были не движением вперед, к чему-то новому, от капитализма с его анархией, а движением назад, к практике государственного закрепления людей за определенными видами производства, движением к опыту крепостного права.* Об этом прекрасно написал Игорь Шафаревич в статье «Социализм» в самиздатовском сборнике «Из-под глыб». В Месопотамии еще в XXII–XXI вв. до н. э. основой экономики являлись храмовые хозяйства, которые полностью утратили свою хо-

зяйственную независимость и превратились в ячейку единого государственного хозяйства. Управляющие этих храмовых хозяйств назначались царем, они предоставляли царю в центр подробную экономическую отчетность о потребляемых и производимых продуктах. И вся эта бухгалтерия контролировалась царскими ревизорами. А группы работников в силу необходимости перебрасывались из одного хозяйства в другое⁴⁵.

Конечно Ленин, когда писал «Великий почин», не предполагал, что его идеал коммунистического труда, который он хотел силой навязать постоктябрьской России, т. е. когда продукты твоего труда достаются не тебе лично и не твоим «ближним», а «дальним»⁴⁶, является лишь копией той монастырской организации труда.

Большевики под руководством Ленина и Троцкого сразу же после Октября силой, часто через угрозу расстрела, принуждали к самоотверженному, тяжелому труду «во имя создания коммунистического общества».

Правда, после Кронштадтского восстания 1921 г., когда балтийский моряк превратился из главной опоры большевизма в его заклятого врага, Ленин осознал, что попытки реализовать коммунистический проект сразу же в чистом ви-

⁴⁵ Шафаревич И. Р. Социализм // Из-под глыб: Сб. ст. Нью-Йорк: Ymka Press, 1974. С. 29–2. Журнал «Россия и современный мир», № 3, 2017, стр. 35.

⁴⁶ Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 39, стр. 22.

де, полностью вытеснить личный интерес из мотивов к труду не удаются. Настало время отступить назад. Ленин осознал, что если и дальше продолжать политику продразверстки, насильственной коммунизации труда и распределения продуктов труда, то не избежать нового русского бунта, на этот раз против большевиков. Ленин и руководство партии не могли не заметить, что восставшие матросы потребовали от большевистской власти то, во имя чего они ее поддержали, – 11-е требование восставших матросов предусматривало возвращение «полного права действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом»⁴⁷.

Декрет от 11 января 1919 г., который вводил продразверстку, т. е. насильственное и бесплатное изъятие продовольствия у крестьян, отменялся, отменялся и декрет от 19 апреля, запрещающий фабрично-заводским рабочим «самовольный» переход на другую работу. Ленин признает, что попытка партии сразу же после захвата власти переходить к коммунистической организации труда, т. е. «произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению», была ошибкой⁴⁸.

Начинается не только НЭП, но и постепенное приспособ-

⁴⁷ Симанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М.: Алгоритм, 2003, стр. 109.

⁴⁸ Ленин В. И. Речь при открытии X съезда РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 43, стр. 40.

ление советского варианта коммунистической организации труда к реалиям сохранения власти и, самое главное, к требованиям сохранения жизни, т. е. производства продуктов питания. Николай Бухарин, впадая в другую крайность, говорит крестьянам: «Обогащайтесь».

Ленин перед смертью в своем завещании вносит коррективы в учение Карла Маркса о коммунистической организации труда и признает возможность кооперативного производства, предусматривающего уже и товарное производство, и деньги, и рынок, и групповой интерес. Статья Ленина «О кооперации» уже была откровенной ревизией марксистского учения о коммунистической формации.

Сталин после Ленина со своей насильственной коллективизацией делает новую попытку ввести коммунизм в деревне, снова ввести коммунистическое крепостное право, закрепить крестьянина за его деревней, его колхозом или совхозом. Но и он после голода 1932–1933 гг. отступает и делает уступку «частнособственническим инстинктам крестьянина» и возвращает ему часть земли в виде «приусадебных участков», т. е. дает крестьянину возможность производить продукты питания для себя и на рынок.

Получается, что с марксистской точки зрения, с точки зрения марксистской утопии, социализма в точном марксистском смысле этого слова у нас не было. Наша советская организация производства, соединяющая плановое хозяйство с рынком и денежными, экономическими стимула-

ми к труду ближе всего к проекту сенсимонистов. От частнособственнической цивилизации у нас остался не только частный индивидуальный быт (в 30–40-е и даже 50-е годы XX в. более половины населения страны жили в частных домах), но и индивидуальное, частное производство в деревне и огромный рынок частных производимых продуктов питания. В СССР было много городов, особенно в Сибири, на Украине, я уже не говорю о Кавказе, Средней Азии, где население покупало мясо, молоко, овощи только на рынке. Подобная ситуация была до середины 1960-х годов и в моей родной Одессе.

Единственное, что никогда до Горбачёва не подвергалось ревизии, так это политическая система, обеспечивающая прикрепление населения, всего населения к СССР. Государственное крепостное право, т. е. отсутствие права на добровольную эмиграцию, выезд за пределы страны, сохранялось до реформ Горбачёва. До реформ Горбачёва сохранялась и уникальная особенность советской экономической системы: она обладала способностью в огромных размерах перерабатывать неживое – уголь, руду, лес, использовать движение воды, – но не умела производить живое, т. е. продукты питания. Мы были велики в своей способности производить орудия войны, орудия смерти, но были ничтожно слабы в умении производить то, что нужно человеку для жизни. Кризис сельскохозяйственного производства, который был спровоцирован коллективизацией, продолжался шесть десятиле-

тий. Сохранялось преследование за инакомыслие, т. е. за попытки поставить под сомнение власть КПСС, советскую экономическую систему и советскую идеологию.

При всем этом медленно, постепенно заложенное в Октябре противоречие между тем, что хотелось и нужно было человеку для нормальной жизни, и тем, что ему навязывала советская система со своим государственным единомыслием и жестким прикреплением человека к стране, к месту проживания, преодолевалось. Карательные функции государства за отступление от единомыслия со времен Хрущёва ослабевали. Моральное отвращение людей от доношительства, от так называемых «сексотов» как раз и было одним из признаков сопротивления советской системе. Правда, при этом недооценивались социальные блага, доставшиеся дорогой ценой советскому человеку, а именно: низкая по русским меркам преступность, отсутствие безработицы, ясность перспектив и уверенность в будущем, равные права на образование.

Лежащее в основе советской системы право государства на жизнь его граждан, на формирование их образа мыслей, системы ценностей, т. е. наследие феодального, а может, даже рабовладельческого авторитаризма, послужило одной из главных причин ее смерти, ибо стало несовместимым с особенностями личности, формирующейся в условиях научно-технической революции, глобального мира.

Перестройка, как я точно знаю, была попыткой, правда

неумелой, включить через кооперацию индивидуальные стимулы в процесс производства того, что нужно для жизни. А политика гласности была попыткой, и это удалось, привести политическую систему в соответствие с духовными потребностями многомиллионной интеллигенции, с возрастающим требованием правды, свободы мысли, слова и информации. И сразу же оказалось, что при элементарных человеческих свободах советская система, созданная Октябрем и просуществовавшая семь десятилетий, рассыпается, становится мертвой. И в заключение последний, самый главный вопрос. Нужны ли были муки, многомиллионные жертвы русских людей, чтобы доказать очевидное, что мобилизационная система, отрицающая главные права личности – свободу выбора, свободу совести, свободу мысли, право на жизнь, – нежизнеспособна, является историческим тупиком?

Журнал «Россия и современный мир», № 3, 2017

За красотой идеала скрывается ад (Размышления об истоках нашей неиссякаемой русской веры в возможность невозможного)

Россия продолжает жить мифами

Читал я речь Сергея Удальцова, посвященную юбилею большевистского Октября, и поражался. 100 лет прошло, Россия пережила самый кровавый век в своей тысячелетней истории, но наша русская вера в возможность невозможного осталась. Для него, Сергея Удальцова, «Октябрь велик как выход за горизонты возможного», как уникальный проект, призывающий к «переделке мира». Для Сергея Удальцова, как и для вождей Октября, «величие человеческого духа» состоит в жажде переступить через границы возможного, через то, что есть. Идея переделки природы человека жива не только в сознании некоммуниста Сергея Удальцова, но и в сознании многих представителей современной российской, уже посткоммунистической интеллигенции.

Более четверти века спустя после смерти детища Ленина и Троцкого, смерти советской системы, даже люди, посвятившие всю жизнь изучению творчества Достоевского, автора

«Бесов», я имею в виду Игоря Волгина, не хотят впустить в свою душу главную мысль всего творчества величайшего русского писателя, а именно его предупреждение о том, что нет ничего опаснее и преступнее, чем эта «безбрежная социальная мечтательность», чем эта вера в безбрежную красоту «завтрашней действительности».

Николай Бердяев как русский интеллигент тоже не устоял перед соблазнами русской безбрежной мечтательности, перед русской страстью вырваться за берега возможного, но он всё же предельно точно выразил социальную философию Достоевского. Шигалевщина рождена мечтой о полном равенстве, писал Бердяев. «Шигалевщина и есть исступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается в зло, социальная мечтательность совсем не невинная вещь»⁴⁹. Но осознание человеконенавистнического характера мечты без границ к нам до сих пор не пришло. Мы до сих пор считаем, что «безбрежная социальная мечтательность» ставит нас, русских, в моральном отношении выше других народов Европы.

В начале 1930-х все же еще были основания верить в возможность создания мира, где «кто был никем, тот станет всем!», верить в то, что все же «воспрянет род людской», возникнет новый мир с новым человеком, погибнет нена-

⁴⁹ Вехи. Из Глубины. М.: Изд-во «Правда», 1991, стр. 273.

вистная всей русской интеллигенции буржуазная цивилизация, как они говорили, цивилизация лавочников. Но сейчас, когда от мира, рожденного Октябрем Ленина и Троцкого, ничего не осталось, кроме второго издания сталинского СССР на корейской земле, кроме Кубы братьев Кастро, которая судорожно ищет свой кубинский путь к нэпу, стало ясно, что мечта большевиков о новом человеке была не триумфом человеческого духа, как говорит Сергей Удальцов и многие наши постсоветские интеллектуалы, а безумием.

При оценке сути нашей российской веры в то, что, отдав себя во власть мечты, мы получаем духовное преимущество над западным бюргером, лавочником, необходим уже чисто философский анализ проблемы. Тут встает множество до сих пор до конца не исследованных проблем. Что рождало нашу российскую антибуржуазность? Наше изначальное моральное преимущество над западным человеком, как говорят славянофилы или нынешние коммунисты, или наша изначальная цивилизационная недоразвитость? Вот в чем вопрос. Для того чтобы ответить на этот страшный вопрос, которого мы до сих пор боимся, надо, во-первых, выяснить, насколько глубоко эта вера в приоритет мечты над реальностью, эта готовность пожертвовать всем на свете, даже жизнью людей во имя сохранения своей веры в будущий мир, сидит в сознании нашей российской интеллигенции. Скажу сразу, есть много аргументов в пользу тех, кто считал и до сих пор считает, что у простых русских людей, у русской

крестьянской нации никогда никакого мессианизма как глубинного настроения не было. Как говорят факты, легковерие русского человека шло не столько от увлечения идеями, от жажды прыгнуть в невозможное, сколько от неразвитости способности к самостоятельному мышлению. Русское легковерие у крестьян шло от психологии не знающего грамоты раба. Мессианизм, желание даже в смерти миллионов людей увидеть особый, надысторический смысл – это, скорее всего, черта только российской интеллигенции. Скажу сразу, на мой взгляд (об этом подробнее позже), русская мечтательность идет от психологии «лишних людей», от людей, вырванных из контекста трудностей повседневной жизни. Есть что-то барское в мечтаниях Герцена и того же Бердяева. Я настаиваю: преклонение перед мечтой об ином, более совершенном мире, вера в приоритет идеального, трансцендентного над реальным миром и реальной жизнью является все же глубинной чертой именно российской интеллигенции. И нетрудно доказать, что традиционная антибуржуазность российской интеллигенции была порождена не столько ее протестом против тягот жизни угнетенных, не столько сочувствием к тяготам жизни крестьян и пролетариев, сколько каким-то внутренним отторжением от того мира, который был порожден средневековым городом, а потом буржуазной цивилизацией, отторжением от упорядоченности, рационализма бюргерского быта, его размеренности, когда все ограничено законом, традициями, и прежде всего традици-

ями средневекового города. И здесь важно выяснить, всегда ли традиционная российская интеллигентская неприязнь к жизни лавочника, к упорядоченности бытийности буржуазной цивилизации ведет к оправданию революции, к оправданию насилия над тем миром, который есть. Не забываяте, русский гений философ Бердяев, анализу мировоззрения которого я уделяю много внимания в этом тексте, еще до «Вех», в полемике с пантеистом Василием Розановым говорил, что этот мир «сам по себе взятый, достоин лишь огня»⁵⁰.

Об уникальности мировоззрения Николая Бердяева

Между восстанием против существующего мира, рожденным коммунистической идеей, и восстанием против существующего мира, вызванным учением о рае, о благодати бессмертия, спасения, все-таки существует принципиальная, качественная разница. Хотя иногда (что встречается именно в русской общественной мысли, правда редко, – речь о творчестве Бердяева) эта разница между христианским учением о совершенствовании мира и революционной страстью переделать мир стирается. Все дело в том, что Бердяев как раз и был уникален тем, что он соединял в своей душе марксист-

⁵⁰ Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах (1917–1919). М.: Русский мир, 2009. Т. 1, стр. 192.

скую веру в рай на этой земле с христианской верой в бессмертие человеческой души. «В коммунизме, – писал в своей книге “История и смысл русского коммунизма” Бердяев, – есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому... В идее бесклассового трудового общества, в котором каждый работает для других и для всех, для сверхличной цели, не заключается отрицание бога, духа, свободы и даже наоборот, эта идея более согласна с христианством, чем идея, на которой основано буржуазное капиталистическое общество»⁵¹.

И если бы Бердяев имел перед собой собрание сочинений Ленина, то он бы смог для подтверждения своего учения о родстве коммунизма с христианством привести работу «Великий почин». В ней Ленин утверждает, что «коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране каждого *пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично, и не их “ближним”, а “дальним”, т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, а потом в Союз советских республик»⁵². В 1919 г.,

⁵¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990, стр. 125.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55 т. М.: Изд-во полит. литры, 1970. Изд. 5-

в момент написания «Великого почина» Ленин еще верил в близость победы пролетариата в Европе, которая, как он говорил, приведет к созданию европейского Союза социалистических стран.

И именно потому, что для Бердяева все-таки еще возможно спасение в этом мире, спасение в подлинном коммунизме, где коммунистическая организация производства, в отличие от СССР, будет совмещена еще и с личной свободой, и с верой в Бога, он, Бердяев, не только оправдывал насилие революции, считал «смешными и жалкими суждения о ней с точки зрения нормативной религии и морали»⁵³, но и с полным духовным спокойствием относился к мукам своих соотечественников, страдающих и от советского деспотизма, и от насильственной коллективизации. Он оправдывает страдания советских людей, ибо, с его точки зрения, «коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа, и изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи»⁵⁴. Таким образом, и для Бердяева, которого мы по традиции называем одним из основателей русской ре-

е. Т. 39, стр. 22.

⁵³ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: АСТ, 2010, стр. 109.

⁵⁴ Бердяев Н. А. Самопознание // Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002, стр. 243–44.

лигиозной философии начала XX в., как и для Ленина, не подлежит моральному осуждению все то, что «служит победе коммунизма».

Иногда, читая Бердяева, нельзя отделаться от впечатления, что как только его мозги, блестящие мозги попадают в поле лучей идеала, в данном случае – идеала бесклассового общества, они как бы перестают работать. И самое страшное, что в поле лучей идеала коммунизма перестают работать не только мозги, но и совесть. На самом деле, в процитированных выше текстах из работ Бердяева уже пропадают различия между добром и злом, ничего не остается от европейского гуманизма. В этих текстах Бердяев не видит, не чувствует их глубинные, кричащие противоречия.

Ведь здесь же, в «Истоках и смысле русского коммунизма», он сам упрекает коммунистическую мораль за то, что она «неизбежно оказывается враждебной к живому, конкретному человеку, к ближнему»⁵⁵. С другой стороны, тот же Бердяев в своей статье «Духи русской революции», опубликованной в сборнике «Из глубины», в статье, написанной в середине 1918 г., критикует Ивана Карамазова за то, что он ставит слезы замученной девочки выше счастья всего человечества, критикует за то, что он не верит в бессмертие этой девочки, что «для него все исчерпывается этой бессмыслен-

⁵⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990, стр. 125.

ной, эмпирической жизнью, полной страдания и горя»⁵⁶. И уже позже, в начале 1920-х, в книге «Философия неравенства», он развивает эту же мысль о ничтожности и бессмысленности жизни на этой земле, настаивает на том, что подлинное религиозное чувство будет жить в нас только тогда, когда никогда не будут нас оставлять «чувства зла и негодности этого мира и жизни в нем»⁵⁷.

Ни в чем Бердяев не был так последователен, как в своей какой-то болезненной ненависти к тому миру, который есть. В сущности, вся эта философия ненависти к этому миру как «апофеозу мещанства», как к «химере несуществующего мира», на самом деле была сформулирована еще до «Вех», в 1907 г. в его очерке «Христос и мир», который был ответом на очерк В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира». Мир, который, с точки зрения Василия Розанова, сам по себе, в своих проявлениях несет Бога, который надо «любить таким, как он есть»⁵⁸, для его оппонента, Бердяева, как я уже сказал, «сам по себе взятый достоин лишь огня»⁵⁹.

И я обратил внимание на эти глубинные противоречия философии, более точно – мировоззрения Бердяева, ибо они

⁵⁶ Вехи. Из Глубины. М.: Изд-во «Правда», 1991, стр. 264.

⁵⁷ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: АСТ, 2010, стр. 342.

⁵⁸ Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах (1917–1919). М.: Русский мир, 2009. Т. 1, стр. 164.

⁵⁹ Там же, стр. 162.

являются яркой иллюстрацией какой-то болезненности сознания русского интеллигента, кстати, русского западника, который все время скачет от ценностей европейского гуманизма с его акцентом на безусловном приоритете человеческой жизни, на том, что человек не может быть средством, к древнеиудейскому мессианизму, который стоял за учением Маркса о коммунизме. В молодости уходящий от марксизма Бердяев в своей статье «К. Леонтьев – философ реакционной романтики» разоблачал религиозный садизм Константина Леонтьева. Тогда Бердяеву была ненавистна философия Леонтьева, который рассматривал муки и страдания человека на этой земле как основное условие спасения, откровенно приветствовал адовы муки на этой земле. Тогда Бердяев был противником садистского православия Леонтьева, который, по его словам, «исповедовал культ сладострастия мучительства и истязания»⁶⁰. Но, как я уже отмечал, начиная с работы «Истоки и смысл русского коммунизма», Бердяев настаивал на том, что во имя победы идеи коммунизма русский человек должен до дна выпить чашу советских притеснений и страданий. И вся эта история с глубинным противоречием мировоззрения Бердяева как раз и подтверждает, что садистское отношение к человеку может быть порождено не только коммунистическим идеалом равенства, но и религиозным романтизмом.

⁶⁰ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Бердяев Н.А. Опыты философские, социальные и литературные. М.: Канон, 2002, стр. 361.

Но в этой российской традиции ставить мечту, изначально невозможное выше той жизни, которая есть, не все так безнадежно. Все-таки не всегда эта русская традиция ставить право на мечту выше права на жизнь, ставить русского мечтателя, даже мечтателя-убийцу выше спокойного и благонамеренного бюргера запада, ведет к революционности. И здесь, на мой взгляд, поучителен уже духовный опыт Достоевского, то, как он преодолевал соблазн революционности, через который прошел в молодости. Все дело в том, что еще в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях» он ставил русских, при всей их бытовой гвоздиловской жестокости, выше благонамеренных, законопослушных бюргеров Запада, ставил выше, ибо этим бюргерам, как он считал, при всей их благонамеренности и законопослушности, недоступно наше русское дерзновение мечты, наша русская страсть выхода за горизонты того, что есть. Но все по порядку.

***Антибуржуазность не всегда
ведет к революционности***

Бердяев был прав, когда в статье «Духи русской революции» в сборнике «Из глубины» писал, что «вражда Достоевского к социализму менее всего означает, что он был сторонником и защитником какого-либо «буржуазного строя». Он даже исповедовал своеобразный православный социализм, но дух этого православного социализма ничего общего не

имеет от революционного социализма, он во всем ему противоположен»⁶¹. Достоевский в «Бесах» впервые в литературе XIX в. показал античеловеческую природу революционного социализма, показал, что за русским, на первый взгляд апокалипсическим, самочувствием на самом деле стоит элементарный культурный нигилизм. Но, что очевидно и о чем справедливости ради надо сказать, болезнью русской антибуржуазности и антизападничества он переболел сам.

К примеру, в его «Зимних заметках о летних впечатлениях» мы находим какое-то глубинное противоречие в оценке западной цивилизации. С одной стороны, Достоевский напоминает, что для того, чтобы «любить родину», не обязательно ругать иностранцев⁶². Более того, считает Достоевский (как действительный основоположник разумного, патриотизма, который позже назовут «просвещенным»), любовь к родине не должна позволить человеку закрывать глаза на слабости, а тем более пороки своего народа. К примеру, тема необъяснимой жестокости русского народного быта мучает Достоевского на протяжении всего его творчества. Уже в названных «Зимних заметках» сказано все о звериной, отвратительной жестокости русского человека, сказано все, о чем говорил Иван Карамазов брату Алеше в «Братьях Ка-

⁶¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990, стр. 268.

⁶² Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 т. М.: Худ. литра, 1956. Т. 4, стр. 67.

рамазовых». Гвоздилов, говорил он, способен, если, не дай бог, «рассерчает за что-нибудь на свою жену-молодку, а еще больше хмельной, гвоздить ее, несчастную, до посинения, почти до смерти». Гвоздилов, пишет Достоевский, не просто живуч, он почти что бессмертен.

Достоевский, которого современники обвиняли в преклонении перед русским народом, уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях», написанных в 1863 г., перечисляет все слабости русского народа, которые, с точки зрения авторов «Вех», послужили питательной почвой для победы большевиков. И что поразительно: когда Достоевский говорит о слабостях русского народа, он смотрит на него не просто как христианин, а как последовательный западник, как поклонник здравого смысла, жизненной срединности, постепенности и т. д. Речь у Достоевского прежде всего о том, что «мы, русские, чрезвычайно легковерная нация», что мы, русские, без мысли и сомнения пускаем в свою душу любую мысль, идею, а тем более – инородную, западную. И при этом нам присуще, считает он, поразительное болезненное самомнение, дефицит реализма в оценке себя и своих возможностей. «Муха пролетит, а мы уж думаем, что самого слона провели»⁶³.

Кстати, Достоевский в «Зимних заметках» говорит о тех же слабостях русского человека, на которые обращал внимание Гоголь в своих «Избранных местах из переписки с дру-

⁶³ Там же, стр. 73.

зьями», и которые, по мнению Гоголя, стояли за иллюзиями чуждого ему славянофильства. Речь идет о нашем русском желании «одним шагом до цели дойти», о желании достичь сразу все и всего, идущее от того, что «трудов мы не любим, по одному шагу шагать непривычны, а лучше прямо, одним шагом перелететь до цели»⁶⁴. Всё как у Гоголя, который говорил, что мы «пялим глаза вперед, чтобы не видеть грязи под ногами и не начать долгую и трудную работу по облагораживанию своей реальной жизни».

Но, и это поразительно, приступает Достоевский к рассказу о Западе и западном буржуазном человеке, и он уже начинает обличать убогость чуждой ему бюргерской жизни с позиций русского романтизма и русской мечтательности, которую он несколькими страницами раньше столь страстно критиковал. Теперь уже, оказывается, русский Гвоздилов выглядит для Достоевского более привлекательным человеком, чем западный бюргер с его размеренной, во всем устроенной жизнью.

В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский обвиняет Герцена в какой-то изначальной неискренности, фальшивости всей его социалистической критики буржуазной собственности и буржуазного образа жизни. В подтверждение своих слов о глубинной противоречивости мировоззрения Герцена Достоевский мог бы сослаться на размышления Герцена о бюргерском Западе в первых страницах его произве-

⁶⁴ Там же, стр. 83.

дения «С того берега». Герцен, как и позже Бердяев, жаждет гибели, как он считает, умирающей буржуазной цивилизации, жаждет «грядущего общественного переиздания», видит «неминуемую гибель старой Европы» и не жалеет ничего из существующего, ни «вершинное образование, ни ее учреждения...»⁶⁵. Но здесь же, всего несколькими строками ниже, на той же странице он говорит прямо противоположное. А именно: раз здесь, в «старой Европе», «не погибло слово, то там и дело еще не погибло»⁶⁶. И оказывается, пишет он сыну, именно потому, что в старой Европе «разрешаются общественные вопросы», «еще не погибло слово» и, самое главное, осталась «свобода лица», он остается здесь, в Европе. И оказывается, что «свобода лица», которой нет в России, а которая есть в якобы обреченной на смерть Европе, есть «величайшее дело». И что «только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, как в ближнем, как в целом народе»⁶⁷. И дальше Герцен уже окончательно перечеркивает все, сказанное выше о якобы желанной ему смерти старой Европы. «В самые худшие времена европейской истории, – пишет он, – мы встречаем некоторое уважение к личности, некоторое признание независимости

⁶⁵ Герцен А.И. С того берега // Герцен А. И. Сочинения в 9 т. М.: Худ. литра, 1956. Т. 3, стр. 239.

⁶⁶ Там же, стр. 239.

⁶⁷ Там же, стр. 240.

– некоторые права, уступаемые таланту, гению. Несмотря на всю гнусность тогдашних немецких правительств, Спинозу не послали на поселение, Лессинга не секли или не отдали в солдаты. В этом уважении не к одной материальной, но и к нравственной силе, в этом невольном признании личности – один из великих человеческих принципов европейской жизни»⁶⁸.

«Герцен, – писал в своих дневниках Достоевский, – должен был стать социалистом, и именно как русский барич, т. е. без всякой нужды и цели, а из одного только “логического течения идеи” и от сердечной пустоты на родине. Он отрекся от основ прежнего общества, отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, и в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ней других, и в то же время любил комфорт и семейный покой. Всегда, везде и во всю жизнь был... попросту продукт крепостничества, которое он ненавидел и из которого произошел...»⁶⁹.

Не могу не заметить, что все, сказанное Достоевским о неискренности и непоследовательности Герцена в оценке буржуазной цивилизации, относится и к Бердяеву. Переехал в 1924 г. в буржуазный Кламар под Парижем, потом стал хо-

⁶⁸ Там же, стр. 241.

⁶⁹ Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 т. М.: Худ. литра, 1956. Т. 4, стр. 179.

зьяном уютного дома со всеми преимуществами устроенной бюргерской жизни, но одновременно призывал своих соотечественников, русский народ спокойно воспринимать тяготы и голод барачников ГУЛАГа во имя особой русской миссии.

Но самое важное, даже Достоевский, порвав уже к началу 1860-х, ко времени написания своих «Заметок», со всеми своими социалистическими иллюзиями молодости, поняв, что трудное, постепенное совершенствование той жизни, которая есть, обладает несомненными моральными преимуществами перед революционными рывками в счастливое будущее, все же не в состоянии преодолеть эту труднообъяснимую антибуржуазность русского интеллигентского сознания. Он, Достоевский, русский интеллигент, погруженный с головой в буржуазный быт Санкт-Петербурга, вынужден, как самый последний лавочник, торговаться с издателями по поводу оплаты, за каждый печатный лист своих произведений, он, человек, любящий блага буржуазного мещанства с его посиделками в ресторанах с богатой кухней, в то же время как самый законченный социалист, разоблачает «духовное уродство Запада», критикует культ потребления, накопительства, собирательства, культ денег.

Но эта устроенность человеческой жизни на Западе, т. е. характерное для западной буржуазной цивилизации желание сохранить «существующее положение», сохранить блага устроенного дома и достатка отталкивают русскую душу Достоевского. Ибо, как он считает, западный человек в жертву

всем этим благам приносит право человека на мечту, на мечту жить в другом, подлинно счастливом будущем. Достоевский в конце концов проклинает это счастье бюргера, ибо он, западный человек, «вырывает с мясом из себя все желания и надежды... свое будущее». Для него как типично русского интеллигента, конечно на словах, сама возможность нести в себе мечту, идеал другого, более совершенного будущего куда более ценна, чем сама жизнь, чем жизнь благоустроенной буржуазной Европы. А потому, как я уже сказал, современный буржуазный Запад со своей благоустроенной жизнью для Достоевского в моральном отношении куда менее ценен, чем наша жестокая по отношению к человеку Россия.

И здесь же, в своих «Зимних заметках», в противовес ценностям буржуазного бюргерства, в противовес индивидуализму буржуа Достоевский формулирует кредо того, что Бердяев позже назовет «православным социализмом». Бунт Достоевского, как и позже Бердяева, против торгашества, корысти и мании приобретательства буржуазного Запада происходил у Достоевского из веры, что можно так организовать общественную жизнь, чтобы человеком двигала только забота о дальних, а не о себе, чтобы им двигало только чувство человеческого братства. С одной стороны, в идеале надо, рассуждал он, чтобы все стали «самоправными и счастливыми личностями», надо, чтобы каждый «я жертвовал себя для всех;.. жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде...». Но, с другой стороны, чтобы все стали «само-

правными и счастливыми личностями», необходимо, чтобы в свою очередь это братство, сообщество людей заботилось о судьбе и благосостоянии каждой отдельной личности. На слова отдельной личности, настаивающей на том, что «мы крепки только все вместе, возьмите же меня всего, если вам во мне необходимость... Это высшее счастье мое – вам всем пожертвовать и чтоб вам за это не было никакого ущерба...». Братство, – настаивает Достоевский, – должно сказать: «Ты слишком много даешь нам. То, что ты даешь нам, мы не вправе не принять от тебя, ибо ты сам говоришь, что в этом твое счастье; но что же делать, когда у нас беспрестанно болит сердце за твое счастье. Возьми же все и от нас. Мы всеми силами будем стараться поминутно, чтоб у тебя было как можно больше личной свободы, как можно больше самопроявления. Никаких врагов, ни людей, ни преграды теперь не бойся. Мы все за тебя...»⁷⁰. И после этого заявления общины о тех гарантиях, которые, с его точки зрения, она обязана даровать коллективистской личности, Достоевский добавляет: «После этого, разумеется, уж нечего делиться, тут уж само собою разделится. *Любите друг друга* (выделено мной. – А. Ц.), и все сие вам приложится»⁷¹.

И приведенные мной выше размышления Достоевского о

⁷⁰ Сараскина Л. Достоевский. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2011, стр. 108.

⁷¹ Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 т. М.: Худ. литра, 1956. Т. 4, стр. 108.

подлинной коллективности, социалистичности как подлинной духовности, дают, на мой взгляд, ключ к объяснению срыва гуманиста и христианина Бердяева в пропасть марксистского революционизма. Достоевский связывает воплощение в жизнь своего идеала антибуржуазности, идеала подлинного коллективизма прежде всего с работой души человека, с его моральным перерождением, с победой христианской любви к ближнему. *Религиозное чувство, вера в Бога как раз и были каменной стеной, которая отделяла его, Достоевского, антибуржуазность от революционности, от жажды разрушения мира сего до основания*. Одно дело – просто желать перемен к лучшему в жизни, обличать пороки мира сего, а другое дело – «желать перемен и переворотов насильственно, возбуждая желчь и ненависть», объяснял Достоевский своим следователям по время дела петрашевцев⁷². Эти же соображения приводил Герцен, объясняя «Молодой России» свое разочарование якобинством. В молодости он действительно поклонялся революционной решимости вождя Революционного трибунала Робеспьера, говорил, что он смелым шагом «ступал в кровь, и кровь его не марала». Но тот же Герцен в конце жизни все же видит в революционном терроре угрозу основам человечности, фундаментальным основам человеческого бытия. В отличие от Бердяева, который шел от осуждения революции и революци-

⁷² Сараскина Л. Достоевский. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2011, стр. 227.

онного террора к его оправданию в старости, Герцен в конце жизни расстается с романтикой французской революции. Террор, говорил он в конце жизни, «дает волю страстям», «легко увлекается кровью». «Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы»⁷³.

О различии между христианской любовью к человеку и садизмом аскетического православия

И существует довольно простое объяснение, почему традиционный российский протест против буржуазного мещанства с его приземленностью страстей лавочника в одном случае, как у Бердяева, вел к оправданию революционного насилия, а в другом случае, как у Достоевского, – к протесту против шигалевщины. И это объяснение дает нам Леонтьев в своей критике религиозности Достоевского. С точки зрения Леонтьева, характерная для Достоевского проповедь любви к человеку, который есть, несовместима с подлинной религиозностью. Я имею в виду все, что говорит об авторе «Бесов» Леонтьев в своей статье «О всемирной любви (речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике)». Беда Достоевского, считал его идейный противник Леонтьев, состоит в том, что на самом деле для него «идея любви привлекательнее» идеи Бога, что он связывает «спасение души» прежде

⁷³ Герцен А. И. Журналисты и террористы // Герцен А. И. Сочинения в 9 т. М.: Худ. литра, 1956. Т. 7, стр. 545–46.

всего с «деятельной любовью». Для самого Леонтьева подобное соединение идеи Бога с идеей деятельной любви, т. е. с работой души живущего на этой земле человека, вредно, ибо, как он считает, это соединение стирает различия между элементарной «гуманностью» и подлинной религиозностью. Все дело в том что, с точки зрения Леонтьева, «долгое благоденствие и покой души», рожденные «деятельной любовью», вредны. Вредны, ибо это противоречит сути христианства. Как настаивает Леонтьев, «...христианство, с одной стороны, не верит в прочность и постоянство добродетелей наших, а с другой стороны – долгое благоденствие и покой души считает вредным. Оскорбленному внушает: эта обида тебе полезна, рукой несправедливого человека наказал тебя Бог: прости человека и кайся перед Богом. Горе, страдание, разорение, обиду христианство зовет даже иногда посещением Божиим. А гуманность простая хочет стереть с лица земли эти полезные нам обиды, разорения и горести...»⁷⁴.

Достоевский при всем своем духовном отторжении от буржуазного индивидуализма и мелких страстей западного европейского «лавочника», при всей своей мечте об общественной гармонии, когда каждый работает не на себя, не на ближних, а на дальних, на благо общества, все же остается врагом революционности. Ибо для Достоевского религия как любовь к человеку, который есть, и революционность,

⁷⁴ Леонтьев К. Н. Цветущая сложность // Леонтьев К. Н. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992, стр. 150.

шиголевщина несовместимы. И Константин Леонтьев прав: Достоевский был прежде всего гуманистом, в основе его религиозности лежала любовь к человеку, который есть. Он, Достоевский, был ненавистником шигалевщины, всех «безбрежных мечтателей», которые на крови, на человеческих страданиях хотели построить общество абсолютного равенства. А потому у Достоевского традиционное русское интеллигентское духовное отторжение от буржуазной цивилизации не ведет, как у Бердяева, к революционности, к оправданию «палачества большевиков», к оправданию революционного насилия. Внутренний строй души Достоевского, его религиозное чувство, как мы видим, качественно отличалось от того, что Бердяев называл своей особой религиозностью.

На самом деле нетрудно доказать, что уже в своей «Философии неравенства», где Бердяев начинает видеть мир глазами Леонтьева, начинает видеть благо в «обидах, разорениях и горестях», он уходит от религии любви к ближнему Достоевского к аскетическому садистскому православию Леонтьева. Такой скачок Бердяева трудно объясним с точки зрения здравого смысла. Но то, что несовместимо с точки зрения элементарной логики, объясняется особенностями нашей загадочной русской души. Стремление совместить крайности, найти нечто срединное между противостоящими друг другу истинами, наверное, нам не дано.

О русских скачках от одной крайности к другой

Молодой, начинающий философ Бердяев, желающий доказать прежде всего себе возможность соединения религиозности и любви к тому человеку, который есть, разоблачает садизм Леонтьева. Он посвящает одну из первых своих статей критике того, что он называет «философией реакционной романтики». Статья так и называется – «К. Леонтьев – философ реакционной романтики». И тогда (это было в 1904 г.) Бердяев видит реакционность и садизм Леонтьева в том, что его «извращенная природа вела к тому, что в религии и политике он сделался настоящим садистом, исповедовал культ сладострастия, мучительства и истязаний». Тогда для молодого Бердяева смысл религиозного отношения к человеку состоял в том, что его, человека, нельзя ни в коем случае превращать в средство. Тогда для Бердяева «несомненная истина религиозного откровения», истина Христа состояла в проповеди «безмерной ценности человеческого лица», в том, что живущего, реального человека нельзя превращать в средство⁷⁵. Но уже в «Философии неравенства», которую Бердяев издал в Берлине в 1923 г., он оправдывает то, что он называл «реакционной романтикой Констан-

⁷⁵ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные и литературные. М.: Канон, 2002, стр. 261–62.

тина Леонтьева», т. е. отношение к человеку как к жертве на пути к божественному. Здесь уже сам Бердяев настаивает на том, что без страданий и жертв невозможно нечто великое, что превращение благ жизни человека в самоценность есть уступка «духу буржуазности». «Божественное, – говорит он, – требует жертв и страданий. Воля к божественному в человеке не дает ему успокоения, она делает невозможным никакое благополучие на земле, она влечет его в таинственную даль, к великому. Точка зрения личного блага каждого и всех направлена к низвержению божественного, она по существу антирелигиозна»⁷⁶. Так что на самом деле уже в «Философии неравенства» сформулировано мировоззрение, которое позже, в 1937 г., в работе Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» проявилось как откровенная апология революционного насилия. *И здесь для меня важно подчеркнуть: на самом деле от аскетического православия, связывающего религиозность и духовность обязательно с «обидами, разорениями и горестями» на этой земле, не составляет труда перейти к ленинскому «нравственно все, что служит победе коммунизма».* А все размышления Бердяева о различии между подлинным и реальным коммунизмом в СССР уже не меняют существа дела. Главное состоит в том, что христианство, религиозность Бердяева не мешают ему видеть «величие» большевистской революции.

И чего здесь, в этом традиционном российском поиске

⁷⁶ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: АСТ, 2010, стр. 65.

Христа, в зверстве «русского бунта, бессмысленного и беспощадного» больше? Неиссякаемой русской жажды возвышенного, трансцендентного, жажды прорыва души за горизонты обыденности или просто слабости, недоразвитости души, неспособной отринуть от себя уродство сидящего в ней зверя. Согласитесь, есть что-то садистское в нашей русской привычке видеть в муках людей знаки мистического и божественного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.